

КАРИНА ДЕМИНА
НАСТАВНИК

Карина Демина

Наставник

Серия «Я – Миха», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68221607

Аннотация

Миха выжил и вспомнил себя. Но что это меняет? Что может дать безумному миру, в котором город магов сосуществует с кровавой Империей мешеков, вчерашний студент-недоучка? Особенно такой, который никогда не интересовался ни историей, ни реконструкцией, а химию и вовсе знает слабо, не говоря уже о прочих, полезный для попаданца, науках. Вот и остается притворяться дальше. Играть роль мудрого наставника при мальчишке-бароне и его невесте, которые многим мешают. Сдерживать безумную магичку. Разбираться с артефактами Древних и пытаться понять, как предотвратить очередной апокалипсис. Ведь звезды уже начали падать с небес, намекая, что осталось миру не так и много.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	28
Глава 4	43
Глава 5	61
Глава 6	75
Глава 7	91
Глава 8	102
Глава 9	117
Глава 10	131
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Карина Дёмина

Наставник

Глава 1

Винченцо пришел в себя от того, что чья-то рука совершенно по-хозяйски копалась у него в груди. Он отчетливо чувствовал и собственное сердце, и чужие пальцы, которые обминали это самое сердце. Он осознавал невозможность подобных действий.

И открыл глаза.

– Живой, – над Винченцо склонился барон, который глядел с нескрываемым любопытством. – А он потом бузить не станет?

– Об этом стоило подумать до того, как вы позволили госпоже действовать.

Старик несколько нахмурился.

Его лицо проступало сквозь туман. И выглядело оно столь забавным, что Винченцо едва не рассмеялся, но старик исчез. А вместо него опять барон появился.

Какой из него барон-то?

В груди опять стало щекотно, и Винченцо хотел было потрогать, убедиться, что все его ощущения – лишь игра большого разума, но не сумел пошевелиться. Тело он чувствовал,

от мизинца на ногах и старого мозоля между пальцами до самого сердца, которое сейчас мяли и давили.

– Ишь, глазами зыркает, – восхитился мальчишка. – Ица, а и вправду, на кой он нам нужен?

– Маг, – сказала невеста господина барона, которая и сидела на груди Винченцо, запустив в нее руку по самый локоть. И в сочетании с грязным кружевом да бархатом смотрелось это несколько несуразно. – Сильный. Много сил. Хорошо. Надо. Им.

Она вытащила руку и отерла о подол, окончательно убивая драгоценный бархат.

Винченцо закрыл глаза.

Он понятия не имел, что происходит, но осознавал, что ничего-то с происходящим сделать не способен.

Миара.

Мысль обожгла болью.

Он вдруг вспомнил.

Неясную тревогу, что пробилаь сквозь усталость. И заставила встать на ноги. И то, как вскочила эта вот... невеста барона, которая сейчас казалась до отвращения невозмутимой, будто это было нормально, совать руки в чужую грудь.

Бег. Вверх по лестнице. Крутые ступени. Страх упасть. И потратить на это падение драгоценные секунды. Понимание, что вот-вот произойдет нечто непоправимое.

Снова бег.

Боль в груди. Колючий воздух. Коридор. Людей. Стражу,

что расступилась, не посмев задержать мага.

Дверь.

Дверь была заперта. Но Винченцо вышиб её одним касанием. Только все равно опоздал. Он увидел Дикаря, посеревшего, покрытого кровавым потом.

Вздувшиеся жилы.

Искаженное лицо.

Пальцы, сомкнувшиеся на шее Миары. Он слышал, как эта шея хрустнула, и в тот миг показалось, что сам мир рассыпался на осколки. И он сам, Винченцо из рода Ульграх, что-то кричал.

А что?

Какая разница. Главное, этот крик выпил все силы. И Винченцо рухнул на пол. И умер. А теперь он лежит и смотрит, не испытывая, кажется, ничего, помимо легкого удивления. Разве такое бывает?

– Лежи смирно, – сказал барон и погрозил пальцем. А Винченцо закрыл глаза и подумал, что, наверное, он в самом деле умер или умирает. И возможно, произошло это не здесь и не сейчас, не в замке, а еще там, перед городом магов, на поле, объятom безумием.

Возможно, его задело.

Или сакхемские барабанщицы виноваты. Или сам разум не выдержал напряжения, сочинил историю про поездку, про замок.

Барона.

И эту вот странную страшную девочку, которая пытается что-то сделать с его сердцем.

Пускай.

Мысль о смерти, которая вот-вот наступит, принесла несказанное облегчение. И Винченцо решил, что не станет ей сопротивляться. Он ведь изначально должен был умереть. Еще там, в городе.

Там было столько возможностей, а он не воспользовался ни одной.

– Ему плохо? – заботливо осведомился барон. – Или чего он улыбается?

– Как знать. Возможно, разум его поврежден. Или привиделось чего. Сейчас госпожа закончит, и спросите.

Смерть все не наступала.

А ковыряние в груди доставляло определенные неудобство. От чужих рук там, в теле, было немного щекотно. И совершенно подлым образом захотелось чихнуть.

А еще в туалет.

Но Винченцо держался, подозревая, что ни первое, ни второе в нынешних обстоятельствах неуместно. В конечном итоге, даже если он безумен и все существует исключительно в его воображении, это не повод вести себя недостойно.

Щекотка усилилась.

И желание чихнуть.

И... кажется, еще немного и он все-таки опозорится. Но вот руки убрались. И кто-то сказал:

– Все.

А Винченцо смог сделать вдох. И выдох. И сел в постели.

– И-извините, – он из последних сил сдерживал позорное желание. А потому с поспешностью, совершенно неподобающей человеку серьезному, сполз с кровати.

Останавливать его не стали.

Задавать вопросов тоже.

Благо, ночная ваза была на своем месте. И только запоздало стало слегка стыдно, что свидетелем телесной слабости его стала юная баронесса.

Правда, растрепанная, мрачная, с окровавленными руками, которые она деловито пыталась оттереть остатками некогда роскошной юбки, на баронессу она походила слабо.

Полегчало.

И Винченцо все-таки чихнул.

Потом снова.

Потер нос.

Обернулся и задал вопрос, который давно уже его мучил:

– Что произошло?

– Тоже хотелось бы знать, – проворчал барон, отводя взгляд. Невеста его поскребла нос, оставив на нем темное пятно.

– Дура, – сказала она.

– Полагаю, госпожа имеет в виду, что ваша сестра проявила некую вольность, – пояснил старик, – тем самым спровоцировав господина...

– Дура, – легко согласился Винченцо и шею потер.

Шея болела.

И в груди ныло. Там. Внутри. Будто сердце действительно вырвали.

– Знаешь, что она сделала? – барон нахмурился и как-то вдруг подумалось, что он, возможно, молод, но не настолько, чтобы ему не подчинились.

И вздумайся ему отдать приказ, Винченцо казнят.

– Догадываюсь, – страха по-прежнему не было. – Он был... как бы это выразиться. Пить хочется. Это нормально?

– Я уже не знаю, что тут нормально, – проворчал старик, но подал флягу.

А Винченцо взял.

Это было вновь же, неразумно, брать чужую флягу и пить из нее. В воду, конечно, сложнее подмешать отраву, но все-таки можно.

Но жажда оказалась сильнее страха.

Да и не было.

Совсем не было. А он уже привык бояться. Надо же.

– Его создавали под заказ, – Винченцо вернул опустевшую флягу и сел на кровать. Потрогал грудь. Одежда была рваной и грязной. Кажется, в крови. В его крови. Теперь только выбросить, а лучше бы сжечь, ибо с кровью многое сделать можно.

И постель тоже сжечь.

Потом.

– Я не знаю, для кого. Наставник, думаю, и сам был не в курсе. Но знал лишь, что должен привязать свое создание к заказчику узами особо прочными. Есть такое заклятье. Из запрещенных. В отношении людей. Граждан. Рабы не граждане. Так сейчас считается. Это заклятье создает узы любви, безумной, всепоглощающей.

Барон выругался.

А вот невеста его хмыкнула и ногтем попыталась выковырять грязь из-под другого ногтя. Когда же не вышло, просто сунула палец в рот.

– Тот, кто связан им, становится полностью зависим от своего хозяина. Он живет, дышит, он существует лишь ради хозяина.

Вспомнилось то, чему лучше было не вспоминаться.

И кулаки стиснулись сами собой. Горло перехватило от застарелой ненависти. И боли. Как наново. Как в сердце, это, возвращенное, иглу всадили.

– Привязку производят в несколько этапов. И всякий связан с кровью. Кровь наставнику доставляли, однако заключительный требовал прямого контакта хозяина и его... существа.

Слушали Винченцо превнимательно.

По лицу барона ходили желваки, а вот старик в черном лишь прикрыл глаза, и не понять было, что он думает. И думает ли вообще.

– Этот этап, его не было?

– Нет. Мой наставник погиб. А тот, кого вы называете Дикарем, сбежал.

– И твоя сестра решила закончить начатое?

– От любого заклятья остается след. Одни истаивают быстро, другие держатся годами, если не сотнями лет. Незавершенный же обряд тоже виден. Магу. Думаю, она решила, что сумеет изменить привязку.

– Дура, – меланхолично отозвалась будущая баронесса, облизывая мизинец.

Мертвая дура.

Винченцо ведь слышал, как хрустнула шея.

Этот четкий звук заставил вздрогнуть. И... что дальше? Спросить? Промолчать? Сказать, что сама виновата. И ведь предупреждал же! Предупреждал! А она? Не послушала. Всегда считала себя самой умной. А теперь?

Хоронить?

И объясняться, потому что ушла она не одна. То-то барон смотрит хмуро, словно сожалея, что и сам Винченцо не помер.

А и вправду странно.

Он потянулся к силе. И сила отозвалась. Вернулась. Правда, сердце опять заныло, а баронесса погрозила грязным пальцем.

– Рано.

– Они... – Винченцо решил задать вопрос.

– Живы, – поморщился барон. – Хотя вот честно, не по-

нимаю, зачем.

– Надо, – сказала невеста барона. И поглядев на жениха с жалостью, все же снизошла до объяснения. – Он тут. Мало. Не держать.

Она ткнула пальцем в потолок.

– Ты держать. Клятва. Я держать. Один и два, – она пальцы расставила, чтобы уж точно поняли. – Мало. Тело тут. Тоналле идти. Давно. И вернуться. Но мало. Слабо.

Девочка сжала кулачок и постучала по своей голове.

– Тейюлии, – кулачок ударился в грудь. – Сидит. Крепко-крепко. Держаться. Огонь. Много. Иийотли как зверь. То же крепко. А тоналле ходить. И ходить далеко-далеко. Туда. Сюда. Туда. Хотеть совсем туда.

Она махнула рукой.

– Надо держать, а то уйти.

– Так... – Винченцо попытался сосредоточиться. – То есть дело в... душе? В сути?

– Тут, – девочка опять ткнула себя пальцем в лоб. – Тут жить тоналле. Она уходит. Смотреть. Есть люди. Они уметь смотреть. Далеко-далеко. Их тоналле ходить к богам. К другим.

– У нас аналогичные представления бытовали, о душе, но сейчас наука склонна считать, что так называемая душа суть одна из энергетических оболочек тела.

Девочка задумалась ненадолго, но все же кивнула.

– То есть, она у него... ушла? Произошло расслоение?

Возможно... ментально он был силен, если сумел противостоять давлению Миары. И даже убить. Никогда не слышал, чтобы... Впрочем, с другой стороны если, – рассуждать вслух было неожиданно легко. – Если с другой стороны... обряд не был завершен. И делался на иную кровь. Изначально. Миара пыталась перестроить, воспользоваться первичной структурой, но в подобных случаях нельзя быть уверенным, что обряд пройдет должным образом. Скорее всего это сыграло роль...

– Он убить врага. Сильного. Тейолии больше, – она подняла руку. – И тут тоже. Силы.

Рука легла на живот.

– Да, у нас тоже склоняются к тому, что энергетических оболочек несколько, и у магов их больше, нежели у простых людей, собственно, их плотность и насыщенность говорят о силе человека, его способностях...

Винченцо запнулся.

Все-таки сейчас не самое время для дискуссии.

– Главное, что наука признает существование людей, невосприимчивых к тем или иным формам воздействия. Вероятно, он относится к их числу. Возможно, в силу исходной примитивности...

– Сам ты, – отозвался барон.

– Извините, я никого не хотел оскорбить. Это просто выражение такое. Понимаете?

Вряд ли. Смотрят на него без понимания. Так, что хочет-

ся взгляд отвести. И почему-то стыдно, хотя сам Винченцо ничего дурного не сделал. Он вздохнул и продолжил.

– Итак, моя сестра... он убил её. Он действительно убил её. Я слышал, как хрустнула шея. А с переломанной шеей и магу сложно. То есть, у нее имелся шанс восстановиться, если бы шейные позвонки не были раздавлены, а она сохранила бы сознание, но она, как мне виделось, уже не могла сопротивляться. Это тоже странно.

– Тело. Убить. Тело вернуть, – девочка пошевелила пальцами, которые слабо засветились алым, но почему-то никто из присутствовавших в комнате не обратил на это внимания. Или они просто не видели?

Винченцо моргнул.

Нет. Ничего не светится. Пальцы обыкновенные, грязные только, как и сама баронесса.

– Женщина. Женщины стоят там и тут. Легко. Женщину проще. Мужчины уходят быстро. Её тоналле не хотеть идти. И остальное. Я позвать. Она вернуться. Легко.

– А шея? Ей ведь шею сломали.

Баронесса пожала плечами, мол, и такое случается. С другой стороны, Миара всегда была сильной и себя-то точно исцелила бы, если бы получила шанс. И выходит, что получила.

– Понятно. Но зачем?!

– Говорят же, – проворчал барон, протянув невесте скомканный платок. Платок был украшен вышивкой, которая девочку весьма восхитила. – Привязать надо было. Душу там.

Оболочку. Хрен поймешь. Но надо было.

– Да, – подтвердила баронесса, поднимая платок. И восхищенно цокнула языком. – Красиво.

Привязать.

Если... если логично рассуждать, хотя это сложно ввиду общей бредовости происходящего, но с другой стороны, обряд все-таки был проведен.

И кровью Миара поделилась.

А кровь – всегда связь.

– Значит... они действительно живы? – разум, наконец, выловил то, что и вправду имело значение.

– Пока да, – барон отобрал платок и, посплунув, попытался оттереть особенно черное пятно на лице невесты. – Но это пока. Если он умрет, то и она тоже. Не будь я де Варрен.

– Де Варрен, – девочка коснулась его носа.

– Да, именно. И ты тоже.

Взгляд его, неожиданно тяжелый, совершенно недетский, остановился на Винченцо.

– Будь добр, донеси до своей сестры, что мне даже казнить её не придется. Сама содохнет.

– Да, – подтвердила девочка. – Я крепко связать.

Винченцо молча поклонился.

– И да... ты тоже.

– Ты связать с ней. Она связать с ним. Все вместе, – девочка оскалилась и зубы её блеснули. Острые. Слишком уж острые. И длинные. – Хорошо. Больше. Крепче.

Веселее.

Глава 2

Миха то падал, то возвращался.

Понять бы еще, куда.

Вот город.

Большой и красивый. Знакомый. И чем больше Михаил глядит, тем больше понимает. Проспект Независимости. Вечер. И долгожданная прохлада спускается на улицы. Еще не темно, но один за другим загораются фонари. Включается подсветка. И здания окутываются облаками теплого желтого света.

Машины.

Люди.

Он гулял там, по этим улицам, не раз и не два. С кем? С Лёхой. И Димкой, которого все называли Капец, потому как он постоянно вставлял дурацкую эту присказку. Димка еще носил спортивные штаны с лампасами и красные кроссачи.

Почему-то именно они врезались в память особенно сильно. Вот лиц Михаила не помнит, а кроссачи эти дурацкие – так распрекрасно.

Несправедливо.

Что?

Все это.

И Ленкиного лица тоже не помнит. Пытается. Честно. У них ведь отношения. Давние и серьезные, она даже на сва-

дбу намекала, но пока исподволь, словно прощупывая его, Михину, готовность. А он отшучивался. И тогда Ленка надувалась обидой, словно шар.

Шары.

Он ей купил на день рождения букет шаров и еще дурацкого плюшевого медведя. И вновь память услужливо подсказывает, что медведь был розовым и огромным. А Ленка все равно обиделась и обозвала дураком.

– Физически он совершенно здоров, – этот голос не принадлежал Ленке. А кому?

Он все-таки бредит.

Только понять бы, что случилось. И когда. Они... гуляли? По проспекту? Или нет? Нет. Была чья-то днюха. Чья? Вадика. Точно. Из группы их. И он предложил потусить на даче. Все одно предки слились и дача осталась в полном Вадиковом распоряжении. А там баня имеется. И речка рядом.

Баню Миха тоже помнит.

И Ленку в синем купальнике. Она еще куталась в огромное полотенце и все вздыхала, что что-то там в этой бане с волосами случится.

Или с кожей?

Опять забыл.

Память – штука сложная. И вот подсовывает осколки какие-то. Мамка... мамка расстроится. Точно. И не важно, что у нее Серега остался с Пашкой, а еще Маринка замуж выходила и вроде как даже готовилась рожать. Она все равно

расстроится.

Она ведь любила. Всех их. И Серегу серьезного, который всегда был отличником и заучкой, а теперь вот умудрился за границу уехать, что-то там он делал важное и нужное, наверное. Миха так и не вник. Серега был старшим и никогда не горел желанием с малышнею возиться. Пашка – дело другое. У них разница небольшая, а еще и характер тоже отличался. Пашка был шепутным и веселым.

И тоже женился год тому.

Точно. Тогда-то, на свадьбе, куда Миха Ленку позвал, заодно уж чтоб познакомить со всеми, она и начала говорить, что их свадьба другою будет.

Какой?

Нет. Все в куче. Одно, другое, третье. Отец тоже расстроится. А у него сердце пошаливает, хотя он упрямый и на мать ворчит, что она его заставляет к врачу идти.

Но идет.

Чтобы её не огорчать. И лекарства тоже пьет поэтому. И вовсе он для матери на все готов. Любит.

Плохо. Как же Михе плохо. Тоска наваливается, душит, давит. И от нее никуда не деться.

– Куда? – резкий окрик и пощечина выдергивают из этой тоски. А в рот льется что-то горькое. И Миха глотает. Давится, но глотает.

Обидно.

За что с ним так?

Или это... точно. Он в больнице. Как очутился? Надо с памятью разобраться. Ну конечно. Он разберется и тогда сумеет выбраться.

А он сумеет.

Итак.

Дача.

Ехали на электричке. Пили. Пить начали еще на вокзале. Пивко. Пивко – это ведь несерьезно, баловство. Но приехали уже веселые. Потом шли. Был лес, кажется. И дачный кооператив. Дом. Баня. Не сказать, чтобы роскошные, но им хватило. Стол. Девчонки резали мясо, а он, Миха, мангалом занялся. Угли были. Шашлык в банках. Жарили. Музыку вот еще помнит, правда, смутно. Потом пили. Под шашлык. И перед баней. Сама баня.

Жара.

Пар.

Запах мяты и еще чего-то травяного и резкого. Хохот. Ворчание Эдьки, что пьяными в баню нельзя. Он сам-то и пива не пил. Но кто послушает? В бане жара и от нее хочется спастись. Почти как от тоски. А там речка. И кому первому приходит в голову нырнуть? Речушка небольшая, но аккурат за баней она разливается этакою лужицей. И та не сказать, чтобы велика, но глубока. Вода пахнет тиной. Она темная и заливает глаза. Рядом кто-то еще сигает, с диким хохотом. Весело. Выбираться приходится по берегу, а тот скользкий, и все падают, катятся снова, и уже в речке пытаются смыть

грязь.

Что потом?

Мысли плывут.

– Вот, хорошо. Пей. Я понятия не имею, когда он очнется и очнется ли вообще! – раздражение в этом голосе выплескивается алым цветом.

И Миха знает эту женщину.

Миара.

Та, другая жизнь, запомнилась куда лучше прежней. И кажется более настоящей, что ли, хотя быть того не может, потому что не существует иных миров. Разве что в фантазиях.

У него вот фантазия.

Перепил, что ли? Или решили курнуть? У Димки косячки бывали. Он не особо скрывал, хотя и не настаивал. Нет. Другое. Миха к этой дряни принципиально не притрагивался. Пить – это одно. Все пьют. А вот себя травить ни за что, ни про что, то нет.

Это без него.

– Да, я виновата! Но я ведь ничего дурного не хотела! Я бы... я бы о нем заботилась! А он обо мне.

– И вы бы жили долго и счастливо.

И этот голос знаком.

Все-таки странные у него, у Михи, фантазии. Извращенные где-то даже. А ведь особо фэнтезятиной он не увлекался. Так, иногда почитывал от безделья.

Маму все-таки жаль.

Переживает.

Баня. Надо сосредоточиться. Речка. Потом опять баня. И водка. Много. Танцы. Ночь наступает. Врубается музон. Шашлык почти доели, да и остальное тоже. Из закуси остался хлеб и карамельки. Но кого и когда это останавливало.

Он нажрался.

И Ленка тоже. Точно. Они с девчонками сперва вино пили, потом ликер, а потом уже и на водку перешли. Она начала снова про свадьбу.

Про будущее.

А Миха пошутил неудачно. Как? Хрен его знает. Не вспомнишь. Главное, что она опять обиделась и разрыдалась. Обозвала козлом.

Убежала.

А он тоже сперва обиделся. И от обиды еще выпил. Почему-то стало совсем муторно. Невыносимо даже. Он и ушел, чтобы не видеть укоризненных взглядов Ленкиных подружек, которые тоже думали, что Миха – козел. И музон стал раздражать. И все-то вокруг.

Он ушел.

Точно.

Куда?

К реке. К этой вот узкой темной речушке, что пробиралась через поле. А потом...

Голова заболела.

– Ты понимаешь, если он умрет, то и мы тоже? Не знаю,

что она сделала, но теперь ты связана с ним, Миара. А я с тобой.

– Поверь, я это не просто понимаю. Я это чувствую, дорогой брат.

Стерва.

Все бабы стервы, особенно красивые. Чем красивей, тем стервозней. Димка это тоже постоянно повторял. А Миха его высмеивал еще.

Сосредоточиться.

Он уже близко. Он чувствует, что еще немного и поймет, что же случилось. Вспомнил же, как его зовут, и остальное тоже вспомнит.

Ночь.

Луна кривобокая, желтая и низкая. Тишина. Музыка где-то вдалеке. И голоса тоже. В какой-то момент начинает казаться, что вокруг вообще никого нет. Только он, Миха. И от этой тишины на душе становится спокойно. Он даже решает с Ленкой поговорить. Потом, когда протрезвеет. Сказать, что не собирается он жениться. Ни на ней, ни на ком еще.

Куда?

Он не доучился даже. А про работу говорить нечего. Так какая женитьба? Чего ради? Чтоб предкам на шею упасть? Они такого не заслужили. И если Ленке это не нравится, то пусть ищет себе кого другого.

Так будет честно.

Решение успокаивает. И Миха возвращается. Он идет на

звук, на отблески костра, который разложили прямо во дворе. Он не спешит, потому что на самом деле возвращаться не хочется. А у реки приходит в голову совершенно бредовая, но такая притягательная, идея.

Окунуться.

В последний раз. Смыть остатки, как ему казалось, хмеля. И заодно взбодриться. Он и раздевается, там, на скользком берегу. А потом с разбегу, стараясь не упасть, летит к воде.

В воду.

Он пробивает темное её покрывало, еще более вонючее, чем ему заполнилось. И вода заливается в рот и нос. Миха остервенело машет руками. Тут неглубоко, но вдруг он понимает, что потерялся. В воде. Что не понимает, куда ему двигаться.

И барахтается.

И задыхается. И кажется, начинает паниковать и в панике глотать горькую воду. А он все течет и течет. Миха пытается кричать, но под водой его не слышат.

А потом его затапливает эта болотная чернота.

И он умирает?

Умирает?!

Твою ж мать. И те воспоминания нахлынули волной. Мутью. Холодом. Страхом. И первобытным желанием жить. Выжить.

Во что бы то ни стало.

Он тогда рванул. Куда? Наверх? Вперед? Не важно. Глав-

ное изо всех сил. На остатках какой-то нечеловеческой, несвойственной ему прежде ярости. И тело выгнулось.

Захрипело.

– Что с ним?

– За ноги держи. Уходит, – теперь её голос был жестким.

А Миха захлебывался.

Сгорал.

И жил.

Вопреки всему жил. И будет жить. Он выдержит. Он уже выдержал. Боль. И ту, что была. И другую, которая приковала его к телу.

Он... он есть.

Здесь. Сейчас. Где бы это ни было.

– Дыши, – на грудь легла невыносимая тяжесть, словно вся вода проклятого пруда навалилась разом. – Дыши, чтоб тебя...

– Миара, он...

– Не отвлекай. Помогай. Сила нужна. В него уходит, что в бездну. Чтоб тебя... знала бы, в жизни... дыши, говорю. Да чтоб я когда-нибудь еще связалась... да не стой столбом! Делись. И где эта девчонка...

Вода стала пламенем. И Миха, чтобы не сгореть изнутри, раскрыл рот, выдыхая этот почти невыносимый жар. А еще закашлялся. И кашель этот порождал новую боль. Словно тело его рассыпалось, а потом ссыпалось вновь.

– Вот так. Хорошо. Молодец. Вот почему вы, мужчины,

такие упрямые?

– А почему вы, женщины, такие подлые?

– Что нам еще остается-то? – Миара склонилась Михой. Теперь он видел её, правда, как-то странно, словно пламенем объятую. Она и рождала тот огонь, который помешал утонуть.

Огонь был красивым.

Красным. И еще оранжевым. Самую малость желтым. И Миха уже сам потянулся к нему навстречу.

– Глаза открой, – сказали ему, и пламя качнулось, коснулось, уже не обжигая, но скорее согревая. – Я знаю, что ты слышишь.

– Ты... – из горла вырвался сдавленный сип и он опять закашлялся. На сей раз наяву. – Ты меня...

– Я тебя, – Миара подхватила его, помогая сесть. – Ты меня. Так что, считай, квиты.

С другой стороны, тоже поддерживали.

Маг.

Мага зовут Винченцо. И он настоящий. Она тоже настоящая. Если, конечно, Миха не свернул себе шею в том пруду. Или не утонул. Или утонул, но не до конца. Его спасли. Отвезли в больницу, и там он лежит себе в коме, на чистой постельке, а больной мозг сочиняет историю.

Только верилось слабо. Не настолько же у него мозг больной. У Михи вообще в той жизни с фантазией плохо было. Все это признавали.

– Пей, – к губам прижали край высокого кубка. – Давай. Будь хорошим мальчиком.

– Иди н...

Горький до отвращения отвар полился в глотку.

– Говорю же, упрямые. И бестолковые. Тебе сил надо набираться, – сказала Миара с какой-то непонятной нежностью.

А Миха пил.

Горечь исчезла, зато появилась жажда. Он глотал и глотал, боясь лишь одного, что этот травяной, остро пахнущий ромашкой и багульником напиток, закончится. А когда он иссяк, его отпустили.

– Вот так хорошо. Блевать не тянет?

Он бы ответил, но понял, что если разожмет зубы, точно блеванет. Зато зрение обрело прежнюю четкость. Пламя, окружавшее Миару, исчезло, убралось внутрь. Если не приглядываться, то и не заметишь.

Миха прикрыл глаза, пытаясь справиться с телом.

С собой.

– Потерпи. Станет легче, – тонкие пальцы коснулись лба, смахивая испарину. А Миара вполне серьезно произнесла: – В следующий раз, когда решишь меня убить, сделай это так, чтобы никто в этом гребаном мире не смог вернуть меня.

– П-пстра-раюсь, – выдавил Миха.

И все-таки не блеванул.

Глава 3

Маску вернули на прежнее место. Она не подавала признаков жизни, но маг глядел хмуро, явно надеясь, что Верховный примет иное решение.

И наверное, он был прав.

Маску стоило бы расплавить. Или разрубить на куски, а затем расплавить. Отлить из проклятого золота монеты.

Спрятать.

Как в той детской сказке про заговоренный клад, который никому не несет добра. Но Верховный не посмел. В ту ночь, когда небо исторгло звезды, а он все-таки не умер, хотя должен был бы, он долго сидел на вершине пирамиды, ожидая, когда боги явят волю свою.

Но боги молчали, вновь притворяясь каменными истуканами.

Молчал и маг.

Кажется, в какой-то момент он вовсе уснул, от усталости ли, по иной ли причине, главное, что тело его вдруг обмякло, голова легла на плечо, а из приоткрытого рта потекла слюна. Вид у мага был беспомощный и отвратительный. Тогда-то и мелькнула мысль, что можно все исправить.

Надо лишь коснуться маски.

Попросить прощения.

Надеть на мага. Он сильный. И силы этой хватит, чтобы

вернуть маску к жизни.

– Нет, – сказал ей Верховный и понял, что должен делать. Скупое отметил, что воскрешение не прибавило ему ни сил, ни здоровья, даже та, золотая некогда рука, не стала прежней. И теперь покрывало её не золото, но темная корка иссохшей крови. Но боль помогала.

Она дала силы подняться.

И подойти к алтарю. Заглянуть в золотое лицо. Накрыть его куском ткани. И сказать:

– Прости нас, если сможешь.

Тогда-то он и принял решение. Быть может, ошибочное, о котором Верховный пожалеет, но иное было противно его душе и разуму.

Маску он нес сам.

Вниз.

И мага оставил на третьем уровне, хотя тот и был недоволен.

– Вам отдыхать надо, – сказал он, не скрывая раздражения. – Если вы живы, это еще не значит, что надолго.

– Это нужно богам. И жить я буду столько, сколько они сочтут необходимым, – Верховный все же поклонился. Искренне. – Благодарю.

– За что?

– За помощь.

– Тогда и я вас, – маг ответил поклоном на поклон. Почтительности в нем по-прежнему не было. Зато теперь Вер-

ховному показалось, что он стал понимать этих людей чуть лучше.

И Маску он вернул.

Повесил на прежнее место.

Отступил.

– Ты слышишь меня, – сказал, совершенно уверенный, что та слышит. И эхо гнева заставило его попятиться. Ярость золота обжигала. – Прости.

В его прощении не нуждались.

В нем самом не нуждались.

И показалось, что еще немного и эта ярость, гнев того, кто никогда – и Верховный в этом не сомневался – не был человеком, сметут его. Но нет. Он выдержал. Только руку обожгло болью, напоминанием об ошибке. И Верховный не сумел сдержать стоны.

– Мы выясним, что ты такое, – сказал он, отступая к двери. – И тогда я вернусь.

Поздно.

Будет поздно.

Гнев накатывал волнами, а с ним долетали осколки то ли памяти, то ли предупреждения. Небо, разодранное звездами. Огонь, что лился вместо дождя и с дождем. Кипящие воды. Темная земля.

Умрете.

Вы все умрете.

– Быть может, – Верховный прижал ноющую руку к груди,

пытаясь сосредоточиться на этой боли. – Но мы постараемся выжить.

Он запер дверь.

И прислонился к ней спиной. И долго дышал, раздумывая, надежны ли запоры. И не приказать ли вовсе эту дверь заложить камнем?

Мотнул головой.

И уже потом, собрав остатки сил, побрел прочь.

Маг ждал на вершине лестницы. Стоял, опираясь на стену, скрестив руки на груди, глядя с неодобрением. Но когда Верховный покачнулся, поспешил на помощь.

– Вам нужно больше отдыхать, – проворчал он. – Все-таки не хотелось бы остаться здесь одному. Подозреваю, что в этом случае я весьма скоро окажусь... там.

Он ткнул пальцем в потолок, но Верховный понял.

И голову склонил.

Возможно.

Даже вероятно. Однако к чему тревожить хорошего человека.

– Куда вас проводить? Хотя что это я... я тут и сам не выйду, – маг издал нервный смешок. – Нужно отдыхать.

– Некогда. Надо к... ней. И возвестить... народу...

Спорить маг не стал.

Умный он все-таки человек.

Последующие дни в представлении Верховного слились

в один, долгий и мучительный, щедро приправленный, что вниманием, что болью.

Смерть Императора.

И плохо скрываемая радость тех, кто клялся служить и клятву держал. Страх, который отступает, и только теперь становится понятно, сколько его было.

Похороны.

Похороны, к которым никто-то не готовился, но состоялись они именно такие, как должно, ибо впервые за долгое время высокие рода позабыли о распрях, объединились в стремлении скорее отпустить к богам того, кто еще недавно сам был им равен.

Верховный запомнил печальный рев рогов, что затопил улицы благословенного города. И пасмурное небо. Солнце, которое с трудом пробивалось сквозь полог туч. Людей. Люди выходили. Люди, не знавшие, что творилось за мраморными стенами дворца, горевали. И горе их было искренним. А потом начался дождь, и вновь почудилось, что сам мир оплакивает человека.

Тогда-то Верховный впервые ощутил едкое чувство вины.

И оказавшись на вершине пирамиды, глядя на распростертую жертву, чья грудь вздымалась, протянул клинок другому. Он сумел дотянуть до конца. Он смотрел на кровь. На мертвецов, число которых множилось. Смотрел и не мог отделаться от мысли, что сам подобен чудовищу.

Что они все – чудовища.

Нет, то, чему его учили, было правильным, ибо малая смерть поддерживает жизнь, и льется кровь не забавы ради, но продляя существование мира. Только отчего-то было тошно.

Жизнь.

Смерть.

Сердце. Боги. Клинок в руке. И вялое одобрение, ибо тот, кого рекомендовал Нинус, оказался весьма умелым. В его руках никто не испытывал лишних мучений. А обряд длился.

И длился.

Крови становилось больше. Смерти тоже, как и сердце перед лицом богов. А они все молчали. Небо и то не спешило пугать гневом, множа сомнения.

Уже внизу, на прощальном пиру, который проходил в тягостной тишине, ибо никто не смел подать голос, страшась нарушить хрупкое равновесие, Верховный вновь ощутил боль. Рука, избавившись от золотого панциря, ныла постоянно. Кожа на ней, потемневшая, обожженная, – и маг утверждал, что это и есть ожог – то и дело трескалась, а с нею и плоть. Из трещин сочилась сукровица, желтоватая, блестящая. Она мешалась с темной мазью, которой маг покрыл ожог, и пропитывала бинты.

Запах шел отвратительный.

– Завтра, – сказал он, повинуясь этой боли, что нарастала с каждым мгновением. – Завтра мы объявим народу о том,

что боги сделали свой выбор.

Место Императора пустовало.

И взгляды всех устремились в эту пустоту. В них виделся еще не отживший страх. Робкая надежда. И что-то совсем иное, жадноватое, еще не оформившееся.

– Думаете, её? – поинтересовался Владыка Копий, вытирая жирные пальцы тканью.

– Есть варианты?

Верховный почти не ел. Боль в руке расплзалась по телу, и желудок, еще недавно принявший пищу с благодарностью, теперь сжимался.

Молчание.

Его вопрос услышан. И Хранитель казны отводит взгляд. Его плечи сгибаются под невидимой тяжестью, а губы шевелятся, но слова остаются произнесенными.

– Она иной крови, пусть Император и принял её в свой род, – Советник Инауа смотрит поверх кубка. В кубке вино, алое и густое, словно кровь. Оно и называется – Кровь цапли. Редкое. Дорогое. Достойное того, чтобы оказаться на столе в подобный день.

И уже не удивляет, что тайное стало явным.

Возможно здесь, во дворце, никогда-то и не было тайн.

– Боги её признали, – задумчиво возражает Владыка Копий.

И взгляд его спокоен.

Это спокойствие раздражает Советника Инауа, и тот от-

ставляет кубок, тянет шею, украшенную тремя нитями. На каждой – золотые бусины с гравировкой, восславляющей древность рода. Каждая бусина – имя. И собственная, Инуа, когда-нибудь появится на этой нити.

– Боги... ли? – озвучил он сомнение.

И прочие закивали.

Славные рода.

Древние.

И каждый древностью способен поспорить с иными. А ведь будут спорить. Дай шанс и вцепятся друг другу в глотки, пытаясь выдрать свой кусок власти.

Трона.

Верховный покачал головой. Плохо. Куда хуже, чем ему представлялось. Если начнется междоусобица, Империя падет.

– Боги, – он поднялся, опершись на плечо Владыки Копий. И плечо это, прикрытое лишь шкурой горного льва, было крепко, словно камень.

Это давало надежду.

– Если Боги признали эту... – Советник Кипактли осклабился. – Это дитя, они примут её. И благословят. Так, что благословение это будет понятно всем.

– А так не понятно? – Владыка Копий тоже встал, но поддержал Верховного. – Подательница Жизни не должна искать признания смертных.

– Ты просто хочешь пристроить сына поудобней.

– Мой сын нашел свое место. И счастлив.

– Чудесно, – вяло хлопнул Кипактли и обернулся. Он поднял руки, и браслеты из алых камней, камней цвета крови, носить которые было дозволено лишь тем, чьи предки смешали кровь с благословенной, вспыхнули. И свет их яркий заставил прочих замереть. – И сердце мое радуется за тебя и твоего сына, гордый Ицкоатль. Как и за твоего...

Он отвесил поклон в сторону Хранителя Казны, который вновь же нервно дернулся.

– Однако оно разрывается от боли и непонимания. Как получилось так, что тот, кто был полон сил, кто был подобен могучему дереву, корни которого пронзили твердь земную, а ветви достигли небес, умер? И отчего случилось сие ночью? И как вышло, что никому-то из нас, достойных, не было дозволено омыть его тело? Нарядить в последний путь?

Голос до того тихий, загремел.

– Как вышло, что величайшая честь досталась ничтожным рабам? И где эти рабы ныне?

– Там, где и должно, согласно старому обычаю, – произнес Верховный. И от боли голос его сделался скрипуч. Но сил хватило, чтобы устоять. Пусть и с опорой. – Что до прочего, то боги и вправду сказали свое слово. А если у тебя, почтенный Кипактли, имеются сомнения, что ж...

В горле запершило.

И Верховному подали чашу с теплой водой. Вода пахла розовым маслом и горчила, но глотка было довольно, чтобы

унять першение.

– Я позволяю тебе подняться.

– Что?

– Когда-то давно, – Верховный говорил медленно, надеясь, что будет услышан. – Любой, в чьих жилах течет исконная кровь, мог подняться на вершину пирамиды и уже там принести богам дар. А с ним и задать вопрос. Или просьбу.

Только обычай этот исчез.

Нет, никто не запрещал, просто цену боги брали немалую. Вот и научились люди сами жить, без божественной помощи.

– И раз уж душу твою терзают сомнения, раз уж веры более недостаточно, как и слова моего, слов иных уважаемых людей, то поднимись. Поделись кровью своей. Поделись силой. И жизнью. И тогда ты получишь ответы.

– Я могу получить их здесь! – воскликнул Кипактли.

– Нет, – Хранитель Казны вставал медленно. Он был невысок и худощав, несмотря на округлый живот, который выделялся и под просторными одеждами. Живот служил неизменным источником насмешек. Вот только редко у кого хватало духу смеяться, глядя Хранителю в глаза. – Вы все тут...

Он обвел зал.

– Чего вы хотите? Власти? Но над чем? Над великой Империей, которая сильна своими копьями? Своими сыновьями? Или над развалинами её? Неужели не понимаете вы, неразумные, что там, – он взмахнул рукой, и серебряные

браслеты зазвенели. Они были обыкновенными, простыми, без камней и гравировки, но никто-то и никогда не видел Хранителя без этих браслетов. — Там только того и ждут, когда мы устроим распрю. Когда ты, Кипактли, потрясая древностью рода, потребуешь трон себе. А ты, Ицауле, оспоришь это право. И ты, Тонауак, тоже поднимешь клинок, не удержишься. Не только ты. Кровавый вихрь затронет, если не всех, то многих. Или думаете, что не знаю я, какие заключаются союзы? Кто и кому обещает невозможное? И кто готов верить обещаниям, а то и вовсе рискнуть за крохотный шанс. Нет, — он покачал головой, этот тихий человек, который во времена прежние предпочитал держаться в тени. — Не бывать тому.

— Баронства, узнав о распрях, не удержатся. Ударят. И у нас не будет чем ответить на удар их, — тихо произнес Владыка Копий. — Ибо храбрейшие из храбрых вернутся в обитель предков.

— Маги тоже не останутся в стороне, — поднялся и советник Эзтли, в одеяниях алых, словно кровь. — Они выступят. Сперва за спинами баронств, а там, когда поймут, сколь слабы мы, то и сами. Они жадны и коварны. И сильны. Что мы противопоставим их силе? Твои сомнения, Кипактли? Или твою спесь, Ицауле? Или, быть может, ты, Тонауак, выведешь свои войска к границе? Хотя ты так давно откупался от всех бед золотом, что вряд ли твою люди помнят, как нужно воевать.

– Если нужно...

– Ты купишь людей, которые воевать умеют. Не сомневаюсь. Правда в том, что выбора у нас нет, – теперь голос Хранителя Казны звучал необычайно жестко. – Или мы все здесь признаем за этой девочкой право наследования, или начинается распря, каковой не было от сотворения мира. А с ней и гибель. Гибель всех.

Его взгляд скользил по людям.

Молчащим.

Преисполненным сомнений. Не готовым к ответу.

– Можно иначе, – заговорил Эзтли. – Дитя мало. Пусть и благословлена она богами, но одного благословения недостаточно. Она не сумеет править. Восседать на троне и радовать народ – вполне. Народ любит чудеса. И весть о том, что нам была явлена Подательница жизни, весьма взбодрит людей.

Кипактли поморщился.

– А весть о том, что кто-то желает ей зла, может этих же людей расстроить. Очень сильно.

Эзтли чуть склонил голову, пытаясь поймать взгляд.

– Чего ты хочешь?

– Совет, – Эзтли развел руки. – Как во времена давние, отдавая дань мудрости наших предков, мы возродим славный обычай. Мы признаем над собой власть той, чьего чела коснулась рука Богини. И поклонимся ей. И будем слушать, но править станет не она, а Совет, в который войдут все, кто готов служить Империи.

И сделал небольшую паузу, позволяя обдумать сказанное, а затем продолжил.

– Само собой, что это должны быть достойные люди. Древнего рода. Хорошей крови. Силы немалой. Совет избежит трех старейшин, которые и должны будут принимать решение.

Зал загудел.

И Верховный ощутил невероятнейшую усталость. Он бы ушел, но стоял, глядя на это бурлящее человеческое море, уже избавившееся от прочих страхов. Согласятся? Да. Несомненно. Совет был и при Императоре, но скорее обычая ради.

Теперь же все изменилось. И они готовы к переменам.

Власть не для избранных. Для каждого.

Хорошая приманка.

Вот только не все довольны. Все еще хмурится Кипактли, перебирает драгоценные камни. И мается, не зная, говорить ли. Кривит губы Советник Инуа.

– А дальше что? Как надолго этого вот... хватит? – он все-таки не выдерживает.

– Надолго. Пока дитя не войдет в женский возраст. Когда же оно уронит первую кровь и созреет для замужества, – Эзтли мягко улыбнулся. – Кому как не Совету нужно будет помочь ему с выбором? Пусть тот, кто разделит с ней трон, и не будет Императором в полной мере, но его дети вернут нам покой.

И гомон усилился.

– Помочь? – тихо спросил Владыка Копий. И не дожидаясь ответа, подхватил Верховного. Их провожали взглядами, растерянными и вновь же испуганными, ибо во времена нестабильные люди готовы были бояться любых перемен.

Пускай.

Там, за дверями огромного зала, его отпустили.

– Он не смирится, – Верховный озвучил снедавшие его сомнения. – Кипактли. Он не желает делить власть. Ко всему у него нет сыновей подходящего возраста. И внуков. Он постарается внести смуту.

– Если будет жив, – Владыка копий прикрыл глаза. Он молчал несколько мгновений и добавил. – Нельзя допустить смуты.

– Нельзя.

Верховный тоже задумался. И решился. Он посмотрел на свои руки, показалось, что сквозь повязку пробивается кровь. И в конце концов, почему бы нет? Он уже убивал. Так чем они, великие Советники, мудрейшие из мудрейших, лучше простых рабов? Ничем, если подумать.

Кровь у них тоже красная.

Разве что на вершину пирамиды поднять не получится.

– Никто не удивится, если боги отвернутся от наглеца, – нарушил молчание Верховный. – И нашьют на него болезнь.

Владыка копий поклонился.

– Я передам волю богов, – Верховный позволил рабам

подхватить себя и усадить на носилки. – Вечером. Достаточно будет капли.

– Я позабочусь, чтобы эта воля была исполнена.

Глава 4

Миха постепенно выздоравливал.

Муторно.

Медленно.

Дни. Ночи. Хрен поймешь. Окна закрыты ставнями. Духота. Жаровни у кровати. В них сыпят травы, и в комнате, где и так воздуха почти нет, начинает пахнуть горелым. Ну и травами. От этого запаха голова раскалывается. И Миха вновь падает в забытие.

Возвращается.

Домой.

Самое странное было в том, что он прекрасно понимал, где находится. И что видимое им – лишь воспоминания. Но до чего же яркими они были! Он словно заново переживал. И ту треклятую дачу.

До чего нелепая смерть-то.

И мама наверняка расстроилась. И отец тоже. И ничего-то Миха сделать не может, оттого и чувствует себя виноватым. Это чувство вины, поселившееся внутри грызет, но не мешает.

Универ.

Запах столовки и свежие булки, которые привозят в буфет к одиннадцати. Тоска на паре по вышке, которую мозг напрочь отказывается воспринимать. Солнечный свет в зо-

лотых кудряшках Антоновой. Зануда страшная, даром, что старостой назначили, но кудряшки на солнце золотились.

Вкус мороженого.

Мамин суп, который она наливала и ворчала, что он, Миша, совсем потерялся с этим компом. А он пытался что-то ответить, но язык не слушался. И вправду ночь просидел.

Стадион.

И сердце колотится о ребра на четвертом круге. Спортсмен из него никакой, но он старается, потому как Демьянов – та еще зараза. С него станется зачет зажать.

Хрень.

Все хрень. Куча гребаных мелочей, которые вдруг складываются в полотно самой обыкновенной жизни. И пусть в ней не было ничего великого, но стало жаль.

И мороженого.

И кудряшек этих, в которые однажды Миша сунул бумажку, а Антонова не заметила и проходила целую пару, и всего сразу. Жаль до слез. До странного щемящего грудь чувства, названия которому не было. И Миша заплакал бы.

Если бы сумел.

Но слез не было. И он открыл глаза. Снова. Снова полумрак. Жаровни. Светящиеся факелы. Человек у постели. Человек сгорбился, но стоило Мише пошевелиться, как и он вскочил.

– Господин? – свистящим шепотом поинтересовался он.

– Пть, – выдавил Миша, понимая, что не заплакал он не

от собственной крутости, а по причине жесткого обезвоживания.

Целительница, мать её. Могла бы и подумать.

– Да, господин, сейчас, господин.

Воду подали. И держали треклятый кувшин дрожащими руками. Миха чувствовал ужас человека в этой вот дрожи, в белых глазах, в странно-обреченном выражении лица. Вода же была тепловатой и кисловатой. Но он пил.

Скрипнула дверь. И человек вздрогнул, едва не выпустив кувшин. Вода потекла на пропитавшуюся потом одежду, на постель, и Миха еще подумал, что надо бы её тоже сменить.

– Иди, – тихо сказала Миара. – Пусть принесут теплую воду. И чистую одежду.

Человек ушел.

А вот оставаться наедине с этой стервой совершенно не хотелось. Тем более сейчас, когда Миха был слаб. А он был слаб. Он и руки-то с трудом поднимал. Голова кружилась. И хотелось лечь, забраться под одеяло и лежать, лежать.

Как в детстве.

Еще бы маму с её чаем, банку малинового варенья, мед и имбирь. Он даже согласен растирать грудь едкой смесью трав и жира, которую мама хранила в поллитровой склянке.

Глаза предательски защипало.

Нет, Миха не станет плакать. Не здесь. Не сейчас, когда на него смотрят столь внимательно.

– Зачем пришла? – теперь говорить получалось. Кое-как,

каждое слово раздирало глотку.

Миара пожала плечами и шагнула навстречу.

Заорать?

Позвать на помощь? Второй раз у него не получится. Да что там, у него и в первый не получилось.

– Спокойно, – ледяная рука легла на лоб, и она слегка нахмурилась. – Жар держится. Но тебе уже лучше.

– Это вопрос?

– Нет. Я вижу, что лучше.

– Чудесно.

Миха замолчал. Во-первых, говорить было тяжело. Во-вторых, сам этот разговор дурацкий. Нелепый. Её ладони сдавливали голову, заставляя наклониться влево.

И вправо.

Запрокинуть.

Она наклонилась, заглянула в глаза. И собственные её больше не казались темными. Напротив, выцвели, словно старый лед. И черты лица будто заострились. И выглядела она на редкость уставшей.

Наконец, его отпустили.

Отступили.

Скрипнула дверь, пропуская людей с ведрами. За ними внесли огромную бадью, которую поставили меж двух жаровен. Миара, подойдя к ним, снова сыпанула трав.

– Добить собираешься? – как ни странно, боль в горле отступила, да и в целом слабость, хоть и осталась, но уже не

была настолько оглушающей. Во всяком случае, сидел Миха сам.

И встать, наверное, мог бы.

– Хотела бы, – Миара наблюдала, как в бадью лилась вода, ведро за ведром. Над водой поднимался пар, мешаясь с дымом. И запахло баней.

От запаха этого стало слегка не по себе.

Память.

Теперь она к Михе вернулась, пусть обрывками, мятая, но он был уверен, что рано или поздно, но разберется.

– Госпожа? – в комнате появилась женщина в темном платье.

Миха видел её.

Точно. Она приносила клятву мальчишке. И имя называла. Но для имени в больной Михиной голове места уже не осталась.

– Его надо вымыть. И переодеть. Кровать переслать. Матрас сжечь. Остальное тоже.

Спорить не посмели.

Миху подняли.

Раздели.

Сунули в воду, которая оказалась даже очень горячей. Миха и не заорал то исключительно из упрямства, и еще потому как треклятая магичка, оставшаяся в этой темной душевной комнате наверняка ждала крика. А он зубы сцепил. Так и сидел, сгорбившись, кое-как вместившись в бадью, которая

на проверку оказалась не такой и большой. Позволял себя натирать бурой жижей, тереть, смывать, снова натирать.

Миара молчала.

Слуги тоже молчали, но работали споро, выказывая немалую сноровку.

И только когда Миху вытащили из бадьи, завернули в огромную то ли уже простыню, то ли еще полотенце, Миара нарушила тишину.

– Бульон. Кашу. Пусть принесут. Вина тебе пока нельзя. Мяса тоже. Есть нужно понемногу, небольшими порциями.

– Разберусь.

Одевали Миху тоже слуги. Они же убрали бадью, вместе с водой. И пол вытерли.

– Окна открой.

– Чтобы тебя продуло? – она слегка склонила голову набок.

– Лето.

– Ты умер, ты понимаешь?

– Нет.

– Я тоже, – она указала на стол в другом конце комнаты. – Дойдешь?

– Постараюсь, – Миха стоял, опираясь руками на стену. Он чувствовал себя, если не совсем хорошо, то всяко не так плохо, как при пробуждении.

Оглянулся.

Пусто.

Слуги сгинули, как и не было.

– Обопрись, – она шагнула к нему. – Тело еще слабо. Тело помнит, что было мертво. И... это неприятно. Поверь.

– Верю.

Опирается? На нее вот? А выдержит? И все-таки стоять глупо. Тем более когда глядят вот так, с насмешкой.

– Не спеши, – Миара приняла вес его. И выдержала. – У тела своя память. И порой разуму сложно переломить её.

Шаг.

И еще.

А ведь она могла бы позвать кого-то. И Миху не то, что проводили, его бы принесли, усадили бы за стол. И если понадобится, то и накормили бы с ложечки.

Очередная игра?

– Что произошло? – Миха все-таки с немалым облегчением отпустил узкое плечо. И на стул упал. Откинулся, порадовавшись, что в этом гребаном мире уже изобрели стулья со спинкой.

– Я бы сама не отказалась понять.

Миара устроилась напротив.

Вот ведь. По ходу его ждет теплый почти семейный ужин. И ведь главное, что на хер не пошлешь. Точнее можно, но смысла в этом нет. Она уйдет, когда сама захочет. Да и, как ни крути, а разобраться в происходящем стоило бы.

– Что ты помнишь?

– Ты попыталась залезть мне в голову.

– Не совсем в голову. Но да, я пыталась привязать тебя к себе. Немного крови, немного силы. И почти ведь получилось, – улыбка, правда, кривой вышло.

Принесли еду.

Запах её напроць вышиб из Михи самую способность думать. И та, вторая его часть, вдруг очнувшись, потребовала заняться действительно стоящим делом – пожрать. Миха и подчинился. Правда, егохватило, чтобы хлебать густое варево медленно и с неким подобием достоинства.

Миара не торопила.

– Зачем? – выдавил Миха, когда глубокая миска опустела.

Зато еще одна имелась. И пахло от нее одуряюще, крупами и чем-то сладким. Запах сводил с ума.

– Это сложно объяснить, но тогда мысль показалась мне удачной. Мне нужен был кто-то, кому я могу доверять. Безоговорочно.

– А так нету?

– Не спеши. Убедись, что тело готово принять еду, – Миара отвела взгляд. – Что до твоего вопроса, то, к сожалению... нет.

– Твой брат тебя любит.

Миха и вправду себя сдерживал. Нехорошо получится, если его вывернет от переедания. Так и сидели. В торжественном молчании и полумраке.

– Мой брат хороший человек. Настолько, насколько это вообще возможно для подобных нам, – она еще больше от-

вернулась, и теперь Миха видел нервный профиль.

Полуприкрытые глаза.

Завалившиеся щеки.

Да уж, что бы тут ни случилось, ей пришлось нелегко.

Ну и на хрен. Сама виновата.

– Тебе бы тоже поесть не мешало, – проворчал он. Почему-то злости он не испытывал, хотя должен был бы. Или вот еще ненависть. Он помнит, что когда-то ненавидел всех магов. А она и заслужила, что ненависть, что злость. Только внутри была пустота.

И тоска.

Чувство вины перед мамой, братьями и сеструхой, которые точно не виноваты, что Миха такой вот гребаный придурок, что взял да помер.

Глупо.

Стыдно.

И даже не оправдаешься, что умер ради высокой цели.

Он с трудом сдержал стон.

– Плохо? – Миара приподнялась.

– Норм. Это так... ерунда.

– Ты все силы из меня выпил, – проворчала она и подняла кусок хлеба. – Там, дома, я всегда была одна. И это правильно. Безопасно.

Миара принялась к хлебу.

– Я ушла, но я не настолько наивна, чтобы надеяться, что нас отпустят. Его и меня. И вообще. Одинокой слабой жен-

щине нужна защита.

Ага, вот сейчас Миха расчувствуется и предложит завершить начатое. На добровольных, так сказать, началах.

— Но все пошло не так, — теперь в голосе её звучала искренняя печаль. — И ты, вместо того, чтобы подчиниться, убил меня.

— Не раскаиваюсь.

— И правильно. Глупо раскаиваться в том, что сделано. Ешь. Одну ложку. Пережевывай тщательно. Слушай себя.

Миха и без премудрых советов как-нибудь разберется. Дикарь в нем горестно вздохнул, но кашей утешился. Распаренная, вареная на молоке, щедро приправленная маслом и медом, та таяла во рту, наполняя тело сытостью, а душу умиротворением.

Интересно, а ту, другую, память он получит?

— Знаешь, я убивала. Довольно много. Иногда сама. Чаще... я хорошая дочь. И помню, что должна подчиняться роду. Его интересам. Делать то, что скажут. Не думать о том, что делаю.

А не думать не получалось.

И показалось вдруг, что маска треснула, раскололась, что еще немного и она сползет.

— Мне казалось, что я не боюсь смерти. Что в некотором роде она станет облегчением. Свободой. И у меня имелись планы... не важно. Главное, что именно сейчас я умирать не планировала. Не тогда, когда я и вправду получила настоя-

щую свободу. Почти получила.

Каша проваливалась в Миху.

И только.

– А ты взял и убил меня.

– Ты меня тоже не пожалела.

– Неправда, – она покачала головой. – Я бы тебя жалела.

Подобные тебе – редкость. Их ценят. Берегут.

– Стерегут.

Она ответила слабой улыбкой.

– Тебе было бы хорошо.

– Мне и так неплохо, – проворчал Миха. – В общем, я скопытился. И тебя придушил.

– И еще шею сломал, – Миара коснулась высокого воротника. – А от рук твоих след остался. Должен был бы пройти, но остался. Думаю, он теперь навсегда.

– Если ждешь извинений, то напрасно.

Она рассмеялась, звонко и беззаботно, будто они тут о цветочках говорили. И оперлась-таки на спинку стула.

– Я оказалась там, за порогом. В момент, когда не была к тому готова. А потом меня вернули. Вложили душу в мертвое тело. И привязали к нему.

– Так ты...

– Я целитель. И один из сильнейших в мире, – жестко ответила Миара. – А еще меня учили. В том числе и подводя к самому порогу... за порог. Я уже бывала там. Именно поэтому и не боюсь. Не смерти. Когда меня вернули, я поняла,

что еще успеваю, что времени прошло немного, поэтому я и запустила сердце. Это сложно, но возможно.

С нюансами местной реанимации Миха был знаком. Память услужливо подсунула подходящую картинку, от которой даже слегка замутило. Но Миха поспешно сунул в рот еще ложку каши и кивнул.

Возможно.

Хрен его знает, что в этом гребаном мире еще возможно.

– Само по себе возвращение в мертвое тело очень и очень неприятно. Особенно, когда это тело нужно излечить. А эта маленькая дрянь еще что-то сделала. Она взяла нить моей жизни и силы, и бросила тебе. Привязала тебя. Понимаешь?

– Нет, – честно ответил Миха.

– Я тоже. Только пока ты был на краю, тыпил мои силы. И едва не выпил. Ты почему-то не хотел возвращаться. Но и не уходил. Пытался. Но я вытаскивала. И брат тоже. Она и его привязала. Так что теперь, если вдруг ты умрешь, то и мы следом.

Она произнесла это чуть в сторону.

И все одно Миха не почувствовал угрызений совести. А вот то, что жрать охота, так это да. Голод, попритихший было, вновь вернулся. И приходилось делать усилие, чтобы спокойно жевать, а не заглатывать чертову кашу кусками.

– И что теперь?

– Теперь, – Миара выпрямилась, хотя и до того спину держала прямо. – Теперь тебе решать. Барон так сказал. Маль-

чи-ш-шка.

Это она прошипела.

Да, определенно, есть в ней что-то донельзя змеиное. Не во внешности. В ощущениях.

– То есть, – решил уточнить Миха. – Если я помру, то ты тоже?

– Мы, – поправила она. – Мой брат к тому, что случилось, не имеет отношения. Но платить за мою глупость придется и ему.

– А если помрешь ты? Что будет со мной?

– Уже, наверное, ничего, – она теперь глядела в стену. – Ты стабилен. И в поддержке не нуждаешься.

И Миха поглядел. Ничего так стена. Каменная. Надежная. Холодная только, несмотря на жаровни и середину лета.

– То есть, я могу...

– Можешь.

– И ты так просто об этом говоришь?

– Почему бы и нет? Госпожа будущая баронесса, – а вот теперь она определенно издевалась, не над Михайой, конечно, и без улыбки, одним лишь тоном, как умеют лишь женщины, выказывая и презрение, и отношение свое к этой самой баронессе. Вот только и боялась она её теперь, пусть даже страх скрывала. А Миха вот все одно чуял. – Не стала бы молчать. Убивать меня не выгодно.

– Расскажи еще, – проворчал Миха.

Хотя и вправду убивать кого-то желания не было.

Совершенно.

И не то, чтобы совесть мучить будет. Может, конечно, и будет. Теперь, когда Миха себя вспомнил, он, прежний, никого не убивал и вообще мама учила женщин уважать. Мама точно не одобрила бы и, может, сказала бы, что девочка не виновата, что жизнь у нее была тяжелая. Или еще причину какую нашла бы.

И поглядела бы так, с укоризной, отчего прежний Миха смутился бы.

И проникся бы.

К счастью, мамы здесь не было, а вот магичка имелась. Сидела с невозмутимой физией. И явно готовилась торговаться.

– Во-первых, я действительно хороший целитель. А он тебе, судя по всему, лишним не будет.

– У меня уже есть один.

– Если ты о девочке, то зря. Она не целитель. Я не понимаю природы её силы. Она способна вернуть мертвых. Возможно, преобразовать плоть, но это не совсем то, что нужно. Целитель нужен будет не только тебе, если ты решишь здесь остаться. В замке сотни людей. И они болеют, что взрослые, что дети... детей тебе не жаль?

– Манипулируешь.

– Извини. Сложно избавиться от старых привычек. А ты чересчур добр. Это не осталось незамеченным. И не только мною.

Вот ведь.

И главное, возразить нечего. Целитель и вправду нужен. Даже там, в старом Михином мире, дети болели. Он помнит, пусть и память эта довольно абстрактная. Но там имелись педиатры и прочие нужные доктора, еще поликлиники, анализы и больницы.

Антибиотики.

А тут – одна наглого вида девица альтернативой всему вышесказанному. Миха потер шею, которая почему-то зачесалось и буркнул:

– Есть хочу.

– Не спеши. Голод в твоём положении нормален. Ты несколько дней питался лишь медовой водой. Но телу нужно привыкнуть. Если поспешишь, оно станет отторгать пищу. А во-вторых... ты теперь питаешься моей силой. И если вновь подойдешь к краю, мы тебя вытащим.

– К этому краю ты меня подвела.

– Не спорю. Я могу принести клятву.

– Ваши клятвы, как показывает практика, ничего не стоят.

– Смотря какие, – она выдержала взгляд. А глаза у нее седые. Точно. Миха подбирал, подбирал и наконец понял, что ему напоминает этот цвет, то ли белый, то ли серебряный.

Седину.

– Есть еще кое-что. Конечно, мы сбежали. И этого не оставят без... скажем так, последствий. Пока мой старший брат пытается удержать власть, но рано или поздно, он сумеет

освоиться. И вспомнит об отступниках. Потребуется выдать.

Она сцепила пальцы. Тонкие. Белые. Слишком уж тонкие и чересчур белые, будто кукольные.

– Поэтому ты мне нужен.

– Я?

Вот уж не было печали.

– Ульграх – старый род. Могучий. Пусть Теон и не удержит всех, но сил у него останется достаточно, чтобы устроить неприятности.

– А я, стало быть, встану на пути его и защитю. Тьфу, защищу? Или как там, правильно?

Она умела улыбаться, так, неловко, виновато, отчего становилась похожей просто на хрупкую слабую женщину. И захотелось даже поверить.

Миха не стал.

С тоской поглядел на опустевшую миску. Вот пожрать бы он не отказался.

– Возможно, у тебя получится. У нас всех получится. Вместе.

– Может, мне проще вас вернуть? Обменять вот на какого-никакого целителя? У твоего брата, глядишь, и отыщется кто подходящий? Ему вы. Мне – целитель и благодарность...

А вот теперь она разозлилась. Ишь, глаза полыхнули пламенем. Будь у Михи нервы послабее, отшатнулся бы. Но местная жизнь как-то психику закалила, что ли.

А может, Дикаря стоило поблагодарить. Даже не дернулся.

Но главное, что вариант-то реальный.

И брата своего она по-настоящему боится, не так, как Ми-ху. Наверное, и вправду чувствует, что Миха добрый, что претит ему убивать вот так, без причины. И с причиной претит.

— Не делай так, — попросила Миара, опустив взгляд. — Пожалуйста. Это... и тебе не выгодно. Меня Теон использует. Не знаю как. Во благо рода.

Эти слова она выплюнула.

— А вот Винченцо он убьет. Сперва выпотрошит. Вытащит все, что он знает. И убьет. Потом же придет сюда. И не оставит в этом замке живых.

Миара говорила тихо и спокойно. Но вот Миха почему-то поверил.

— Зачем ему это?

— Затем, что... в мир давно уже не выходили вещи Древних. Не знаю, был ли мой отец в курсе, или старый барон скрывал. Или они договорились, что куда вероятнее. Отец был достаточно умен, чтобы понимать, что не все тайны стоит тревожить. А вот Теон другой. Он узнает о вещах Древних, что избрали хозяином обычного человека. И признали право за другим человеком, касаться их. И о самом этом... другом человеке. Слишком необычном, чтобы не обратить на него внимания. И о девочке из мешков, которая умеет возвращать мертвецов. Видишь, сколько причин сюда заглянуть?

А ведь не врет.

Точно не врет.

И главное, каждое слово в Мухиной душе отклик находит. Кто бы ни был этот самый Теон, он ведь не один. И... и погано.

Очень погано.

– Хорошо, – Муха откинулся на спинку кресла и поглядел на магичку. А она выдержала его взгляд. – Что ты предлагаешь?

– Женись на мне.

– Ты... – Мухе показалось, что он ослышался. – Совсем долбанулась?

Глава 5

К замку де Варрен до заката добраться не успели. Ирграм помнил остаток вечера. И то, как шел он за жрецом, пытаясь не отстать, тяжело переставляя ноги, ибо сила вновь ушла, а он ощутил себя более человеком, чем когда бы то ни было. И ночью шли.

И спешили.

И в какой-то момент Ирграм просто потерялся в черноте леса. Но продолжил идти. А потом очнулся, осознав, что лежит на влажных мхах. Одежда промокла. Пахло пряной лесной подстилкой и еще слабо – цветами. Над ним клубился туман, и в этом тумане слышались голоса.

Много голосов.

Вот смех. И смеются над Ирграмом. Он точно знает. Над его беспомощностью, над его глупостью, над наивностью.

Потом смех сорвался, превращаясь в плач, такой горестный, что Ирграм сам не выдержал и разрыдался. Он вдруг ощутил себя ребенком.

И вспомнил.

Многие из того, что полагал похороненным в памяти. А теперь она выталкивала одну за другой картины. Рынок. Грязь.

Люди.

Собаки.

Кусок лепешки, который он ест быстро, пока не отобрали. Смех. Камни, что летят в него. Дети жестоки, особенно, когда жестоки взрослые. А они Ирграма не любят. И мать его.

– Ублюдок, ублюдок! – кричал туман, надрываясь.

– Идите вы на...

Ирграм заорал и захлебнулся тяжелой этой белизной.

Успокоиться.

Нужно успокоиться. Выстроить щит. Память ожила не сама по себе. Имело место ментальное воздействие. Кто-то или что-то коснулось сознания, будоража его.

Именно.

Ирграм справится. Ему давно не шесть лет. И даже не семь. Он не мальчишка, который выживал на задворках города, но маг. Взрослый. Состоявшийся.

Именно.

Он не просто сумел вырваться из того болота, которое сожрало его мать, да и не её одну. Он стал лучшим. Он поднялся настолько, насколько это вообще возможно для человека безродного.

Мысли поплыли. Слезы сменились шепотом, в котором теперь чудились обещания чего-то. Славы? Денег? Власти? Разве Ирграму не хочется власти? Настоящей? Такой, которая есть у Высоких родов? Разве никогда-то не сравнивал он себя с ними? С теми, кому многое было даровано свыше просто по праву рождения? Разве не думал, что он умнее?

Честнее?

И у него будет шанс. Всего-то надо, встать и сделать пару шагов.

– Нет, – Ирграм усилием воли задвинул и это желание, и готовность бежать за обещанным шансом. – Что за тварь?

Звук собственного голоса помог вернуть душевное равновесие.

Встать.

Оглядеться.

Где он? Не понятно. В лесу точно. Ирграм коснулся шершавой коры, и вновь же прикосновение это дало какую-никакую уверенность. Мох под ногами. Влажный. И ноги проваливаются, значит, где-то рядом болото. Не в него ли Ирграма пытаются затянуть?

Скорее всего.

Следовательно, разумно будет оставаться на месте. Или на дерево забраться?

Туман вокруг плотный. Неестественно плотный. Морочница? Нет, это мелкая нежить, которая туманы не пускает, но пользуется естественными, как прикрытием. Морочниц и их туман Ирграму встречать доводилось.

Это что-то иное.

Да и ментально морочницы воздействуют, но иначе. Они туповаты, прямолинейны и эмоции пробуждают такие же.

Другое.

Какое?

Опасное? И насколько? Весьма, если он дошел до болот и

не помнит, как именно это случилось.

Где-то рядом раздался тонкий протяжный крик. Женский, кажется.

– Помогите!

– Иди ты... – Ирграм выругался, пытаясь унять бьющееся сердце. Жрец где? Отстал? Или это Ирграм отстал от него? Когда? И главное, в этом белесом мареве не найти. Да и вообще искать – крайне плохая затея.

Вообще разумнее было бы не двигаться с места.

– Помогите! – не унималась женщина.

Или ребенок?

Хитрая тварь. Ирграм помотал головой и отер лицо. Так. Думать. Туман... туман плохо. Плотный. Явно искусственного происхождения. Размеры облака? Не определить. Но немаленькое. Немаленькое. Думай, Ирграм. Не слушай крики.

Нет никого.

Ни женщины. Ни ребенка. Откуда детям в лесу взяться? Именно. Стало быть, что? Стало быть, выманивают. Тварь крупная. Вероятно, старая и опытная. Но неподвижная.

Проглот?

Пожорник? Редко встречаются и всегда на месте старых погостов или мест массовых захоронений. Здесь? Что-то там слышал Ирграм про чуму. Значит, возможно? Вполне.

Хорошо.

Обе твари неподвижны. Не приспособлены для активной

охоты. Стало быть, если Ирграм удержится здесь, у дерева, то выживет. Плохо то, что туман, ими сотворенный, могут использовать другие, может, не такие опасные, если в одиночку.

Стоило подумать и туман задрожал, выпуская тени.

Одну.

Другую. Третью. Низкие твари. Узкие. Их ворчание вплелось в тишину, порождая страх. Плохо. Очень плохо.

Ирграм прижался к дереву.

Загнать попытаются? Очевидно. Вопрос в том, кто? Рытвенники, что заводятся там же, где много мертвой плоти? Мелкие трусливые твари, которых и ребенок отгонит палкой. Пока они не в стае. К счастью, крупные стаи встречались редко, ибо когда заканчивалась еда, рытвенники начинали жрать друг друга.

Они вновь же туповаты.

Но наглы.

Еще тени. Сколько их? Десяток? Ирграм потянулся к силе, и на ладони расцвел шар света, который, впрочем, ясности не добавил. Туман был плотным, густым. И рытвенники прятались в нем.

Кружат.

Не нападают.

Пока. Почему? Из молочной взвеси высунулась узкая морда. Клацнули клыки, но встреченный пинком рытвенник укатился в туман. А из него выглянула еще пара.

И спряталась.

Не то. Неправильно. Они нападают вместе, и никогда-то не ждут. Эти же... эти кружили. И туман, словно дразня Ирграма, отполз. Он отступал медленно, как море, обнажая уродливые лысоватые спины тварей. Ошметки его таяли на проплешинах шкур. Задерживались на горбатых спинах, на острых гребнях, что проклюнулись у некоторых рытвенников. Эти были крупнее сородичей и помимо гребней обзавелись сизой броней.

Твою ж...

Их здесь не десяток – сотня, если не две. И стоят. Молчат. Скалятся. Ждут? Рытвенники не умеют ждать. Или это те, что водились рядом с городом магов? Там ведь не было возможности стае разрастись.

А здесь?

В алых глазах тварей виделся отблеск разума.

Ирграм сцепил руки. Отобьётся?

В голове раздался смех.

И плач.

И шепот-обещание защитить. Рытвенники не тронут Ирграма, если он проявит должное благоразумие.

– Хрен тебе, – маг стряхнул пот дрожащею рукой, а потом вдруг ощутил ярость. Глубинную. Зародившуюся в его душе не сейчас, но зревшую, ждавшую своего часа. И эта ярость вдруг сделала неважным ни число тварей.

Ни опасность, от них исходящую.

Ярость толкала Ирграма вперед. И он сделал шаг. К стае. К тем, кто вперился в него алыми бусинами глаз. И сам, упо-добляясь им, оскалился. Низкий гортанный рык вырвался из глотки мага. Звук разнесся по болотам и, подхваченный, преумноженный туманом, заполнил окрестности.

Звук разодрал нервы.

И стая сделала шаг назад.

Вся. Кроме огромного зверя. Если обычные рытвенники были размером с кошку, эта тварь была крупнее волкодава. Да и рытвенник ли это?

То же узкое тело с массивной грудиной и торчащими ребрами. Но шкуру покрывает мелкая серебристая чешуя. На загривке и плечах сквозь неё пробиваются шипы. Короткая шея защищена плотными костяными наростами. Издали это похоже на воротник.

Тонкие лапы.

Длинная морда с горбатым носом. Челюсти мощные. Глаз почти не видно. Рытвенник заворчал. И Ирграм ответил тем же рыком.

А потом, не дожидаясь ответа, скользнул к твари. Тело его двигалось легко, словно он, Ирграм, был воином или кем-то вроде. Пальцы вцепились в шкуру. Сдавили. Дернули, поднимая рытвенника.

Из пасти его пахнуло гнилью.

Тварь дернулась и, стоило поймать взгляд её, вдруг затихла и тонко, протяжно заскулила.

– Ну? – Ирграм тряхнул её. Где-то в голове мелькнула мысль, что поведение его свидетельствует о безумии, но и она истаяла. – Сидеть!

Рев прорвал туман.

И твари сели.

– Р-р-рычать вздумали? – он отшвырнул рытвенника, который, кувыркнувшись, перелетел через кочку, но поднялся, чтобы тотчас распластаться на брюхе. – Я вас...

Он запнулся, не зная, чем можно пригрозить тварям.

– Вон пошли.

И они попятились.

Мать его... невозможно такое, но твари и вправду попятились. Молча. Слаженно. Как части чего-то большего. Того, что заглянуло-таки в Ирграма.

И отступило, признавая его силу и его право быть здесь.

Он вернулся к дереву и сел, скрестив ноги. Оперся на теплый ствол. Захотелось пить. И есть. И не того, что полагали едой нормальные люди. Вспомнился запах крови.

Мяса.

Ирграм не знал, сколько он сидел, борясь с собой и голодом. В сознание его привел ворчание. Слабое. И угрозы в нем не слышалось. В руку же ткнулось что-то жесткое и теплое. Ирграм открыл глаза и почти не удивился, увидев рядом с собой рытвенника. Тварь стояла, опустив голову, поджав узкий хвост и ворчала.

– Чего тебе?

Она мордой ткнула в тушку зайца.

Заяц был теплым и даже почти живым. Во всяком случае он дышал. И от него пахло кровью, пусть не такой, как человеческая, но рот моментально наполнился слюной. Ирграм потянулся к тушке. Покрутил, пытаясь убедить себя, что ему это не нужно.

Он человек цивилизованный.

Он человек.

Но когда ставшие вдруг длинными и острыми клыки пробили тонкую шкурку зайца, Ирграм заурчал. Горячая кровь полилась в глотку, утоляя жажду.

Ненадолго.

И второй заяц, словно по волшебству появившийся рядом с первым, был осушен столь же быстро. Обескровленные тушки Ирграм швырнул рытвеннику, который крутился рядом. И тот, рыкнув, приступил к трапезе. Вскоре о существовании зайцев напоминали лишь клочки пуха.

– Так-то лучше, – Ирграм теперь чувствовал себя, если не нормально, то всяко лучше, чем прежде. Туман же таял. Медленно светлело небо, и он ощущал эту тревожащую близость рассвета. Как и рытвенник. Зверь заволновался, закрутился и заскулил.

– Не любишь света? – Ирграм хлопнул по ноге. – Ничего. Иди. Найди себе какую нору, что ли.

Подумалось, что Ирграму тоже убежище понадобится. Пусть не сейчас, но то, что происходило с ним, явно свиде-

тельствовало, что Ирграм перестает быть человеком. В кого превращается?

Он поймет позже.

Как и то, что с этим делать. А пока Ирграм поднялся, потянулся и, глянув на полоску света где-то там, на краю небес, проворчал:

– Надеюсь этого ублюдка не сожрали.

Все-таки, если кто и знает ответы, так этот жрец.

Чтоб ему.

Скулеж рытвенника резанул по нервам. И тварь, крута-нувшись в последний раз, все-таки исчезла.

Миха икнул.

Вытер губы. И уставился на магичку. Сидит. Улыбается. Ласково так. Как дурачку.

– За кого ты меня держишь? – осторожно поинтересовался Миха, прикидывая, звать уже на помощь или поздно.

– За разумного человека, оказавшегося в непростом положении.

И ресницами хлопнула.

Нет уж. К ресницам у Михи иммунитет еще в том мире выработался, на первом году отношений с Ленкой. И ведь главное-то что? Миры разные. Бабы разные. А туда же.

Замуж.

Медом им там что ли, в этом замуже намазано?

– Я вообще-то едва не помер, – напомнил Миха на всякий

случай. – Из-за тебя.

– Я тоже. И что это меняет?

– Все.

– Моя мать дважды пыталась убить моего отца, – Миара запрокинула голову, опираясь затылком на высокую спинку стула.

– А потом они помирились и жили долго, счастливо, в любви да согласии.

– Не совсем. Он снял с нее кожу, вынул сердце, а из костей сделал голема.

– Р-радикальненько.

И вот сомнений не возникло, что правду говорит.

– Она ему изменила. И передала некие документы. Наверное, важные. Не знаю. Мне было семь.

Пожалуй, это как-то могло объяснить общую её стервозность, но в дебри психоанализа Миха вникать не собирался.

– Вот знаешь, – он оперся руками на стол и подался вперед. – На аргументы «за» это как-то не тянет, что ли. Скорее даже наоборот.

– Моя мать была рабыней. Дорогой, с хорошей родословной, но тем не менее. И потому отец не взял её в жены по обряду. В противном случае она не смогла бы сделать что-то против него.

Миара сделала глубокий вдох.

– Там, где я выросла, не может быть речи о доверии. Но браки должны заключаться. И с равными. Однако близко-

родственные связи опасны. От них рождаются больные дети.

– Генетику не обманешь, – пробурчал Миха.

– Что? Не важно. Главное, что есть способ. И он позволяет взять в жены женщину другого рода, не опасаясь, что интересы собственного будут для нее выше интересов мужа.

Миха хмыкнул.

– Это не та клятва, которую давал тебе брат. Её обойти не получится. Говорят, что ритуал был создан еще Древними.

– Уже ритуал?

Она чуть склонила голову.

– Мне дважды довелось присутствовать, так что да, ритуал. Главной частью его считаются брачные клятвы, однако за ними стоит многое. Несколько дней подготовки. Слияние крови. Слияние силы. По сути жена становится частью рода мужа. И вверяет ему не только свою судьбу, но и разум, волю, силу.

– Как-то... не оптимистичненько звучит.

– Ты странный дикарь, знаешь? – Миара подвинула к себе пустую миску. Понюхала. Вздохнула.

– Говорили.

– Главное, что Ритуал скрепляется Печатами. Это своего рода артефакты, сотворенные на заре нынешнего мира. Они несут отпечаток силы и, как мне кажется, созданы они были вовсе не магами. Не теми магами, которые сейчас владеют городом, – она чуть прикрыла глаза. – Печати закрепляют клятву. Печати привязывают нити силы к главной ветви ро-

да. Печати делают её неотменяемой. И жена ни действием, ни бездействием, ни словом, ни молчанием, ни даже мыслью не способна изменить интересам мужа. Мужу, впрочем, тоже. Понимаешь?

Брак, мать его, с гарантией. Только как-то оно в голове не укладывается.

Да и не пахнет тут «долго и счастливо».

Счастьем так точно.

– И что, выходят? На таких условиях?

– Почему нет?

– Не знаю. Как-то... в общем... как-то сложно представить, чтобы кто-то добровольно согласился на такое.

– Добровольно? – она рассмеялась и смех был звонким, только почему-то невеселым совершенно. – Хотя ты прав. Согласие они дают добровольно. Только дело рода, как получить это согласие. А способов много.

– Да уж.

Что еще ответить.

А ведь ответа она ждет. И предложение сделано.

– Тебе-то это зачем? – Миха отобрал свою миску и заглянул внутрь. Миска все еще была тоскливо пуста, и появилась мыслишка, что еще немного и он на все согласится, не то, что на женитьбу. – Или я так понравился?

Теперь она и вправду смеялась.

Весело, да.

– Ты дикарь.

– Знаю, – он провел пальцем по миске и сунул в рот. На пальце остался маслянистый сладкий след. Что ж, иногда быть дикарем выгодно. – Но мало ли, что я знаю о вкусах местных женщин?

А ведь смех у нее красивый.

И сама.

Нет, Миха не всерьез. Миха не собирается совершать такую глупость, как эта женитьба.

Ни в жизни.

Но узнать-то стоит.

Глава 6

Сумерки. Блеклые пока. Солнце зависло над дальним лесом, того и гляди упадет в колючие его сети. Распаренный воздух остывает, и камни крепости с благодарностью отдают ему свой жар. Дышится еще тяжело. Пахнет навозом, скотом, людьми и всем сразу. Над кузницами поднимается дым, мешаясь с едкой вонью от бочек, что выстроились перед кожевенной мастерской.

Это все там, за спиной, скрытое от взглядов гостей.

Да и нет им дела ни до кожевенной мастерской, ни до кузниц, ни до скотного двора.

Винченцо поежился.

Холодно.

В последние дни он мерз, несмотря на то, что дни эти выдались на диво жаркими. И вот теперь с трудом удерживался, чтобы не сунуть заledenевшие пальцы в подмышки. И чувствуя его слабость, баронесса обернулась. На лице её бледном читалось беспокойство, и еще неуверенность.

Раздражение.

Она считала Винченцо виноватым, и будь её воля, избавилась бы. К счастью, баронесса соблюдала правила игры. Хотя бы прилюдно. А потому подчинилась воле сына.

Винченцо склонил голову, и улыбку изобразил. Вряд ли получилось обмануть. Баронесса показала себя женщиной

умной и проницательной, но на них смотрели.

Стража.

Слуги.

И гости тоже смотреть станут. Винченцо поднял руки и подул. Дыхание ненадолго, но согрело пальцы.

В этот миг затрубили рога. И баронесса отвернулась. Теперь взгляд её был устремлен на гостей. Она выпрямилась, вытянулась, стараясь казаться немного выше. В белом вдобавок платье она походила на призрака, а рогатый чепец с вуалью делал её голову несуразно огромной.

Винченцо поежился.

Все-таки холодно. Или это просто длительная потеря сил сказалась? Миара не могла ответить ничего внятного, да и он не спрашивал.

Как-то... изменилось все.

К лучшему? К худшему? Нет, им не запрещали видаться. Даже не заперли, не говоря уже о большем, что само по себе настораживало. И встречи были. Какие-то неловкие, неудобные.

Были и разговоры.

Ни о чем.

И смутное недоумение, раздражение, которое крепло с каждой минутой, а еще желание оказаться как можно дальше. Чувство вины.

Тоска непонятная.

Стоило уйти, и чувство вины разрасталось до невероят-

ных пределов. Стоило вернуться, и вновь же появлялось желание сбежать. Не только у него. Миаре тоже в тягость были эти встречи. Винченцо чувствовал.

И к гостям она не вышла.

Она вовсе стала избегать людей. Может, и к лучшему. С гостями так точно.

– Рада приветствовать тебя, дорогой брат, – голос баронессы был полон сил и уверенности. – И благодарю тебя, что отринул ты заботы, дабы разделить со мной печаль и помочь слабой женщине, оказавшейся в обстоятельствах столь затруднительных.

Она шагнула навстречу мужчине, который спешил к первому. От прочих его отличал, пожалуй, богатый плащ, брошенный поверх кирасы. И сам доспех был непростым. Винченцо издали ощущал флер силы, над ним витавший.

– И я несказанно счастлив, что боги судили нам встретиться! – громовой голос гостя заполнил двор. – Позволь заключить тебя в объятия, сестра...

И не дожидаясь позволения, сгреб баронессу.

Он был высок. И широк в плечах. Полон сил и жизни. А еще Винченцо ощутил слабую искру дара. Интересно. Об этом баронесса не упоминала. Не знала? Не сочла важным?

– А это твой сын? – взгляд гостя остановился на юном бароне, который пусть и пытался держаться с видом независимым, но совершенно терялся рядом с рыцарем. – Вижу! Боги подарили тебе сильного сына.

Сказано эти было задумчиво.

— Его приняла корона, — а теперь в голосе баронессы слышалось предупреждение.

— Я рад встрече, — сухо ответил мальчишка, и взгляда не отвел. Напротив, шагнул и протянул руку. — Жаль, что не случилась она ранее.

— И мне, — руку сгребли и сдавили.

Но на лице мальчишки не дрогнул и мускул.

— Но теперь-то мы все исправим! — гость выпустил руку и хлопнул барона по плечу. — Ты потерял отца, и я не сумею заменить его. Но я постараюсь научить тебя всему, что знаю.

А стало быть, надеяться на скорый отъезд не стоит.

Винченцо вновь подул на руки, раздумывая, сколь еще продлится нынешнее представление.

— Поверь, ты можешь быть уверен, что владения твои в надежных руках. Девочки! — рыцарь обернулся к людям, его сопровождавшим.

Десяток.

Десяток чужаков, не связанных клятвой. Опасно. Слишком опасно. Но и повода выказать недоверие нет. Винченцо пошевелил пальцами, выплетая нить заклинания. Сила слушалась, хотя и с трудом.

А за стенами еще сотня лагерем становится.

Гость пока готов соблюдать неписанные правила, но как долго продлится эта игра? И когда та сотня наемников окажется по эту сторону стен? А главное, что делать самому

Винченцо?

– Вы не знакомы, но я решил исправить это упущение... дорогая, ты помнишь Алисию? Это моя младшая жена.

Она была юна и прекрасна, что вряд ли понравилось баронессе.

И почтительна.

Леди Алисия склонилась, выказывая уважение хозяйке дома.

– Несказанно рада знакомству, – прозвенел тонкий голосок. – Я много слышала о вас, леди Бригитта. И благодарю богов, что в милости своей позволили они увидеть вас.

Тошно.

Почему-то ложь сейчас чувствуется особенно остро. Как песок в туфлях.

– Я тоже очень рада, – сухо ответила баронесса, протягивая руки. – Мой дом – ваш дом. Девочки, вы выросли.

– Леди Арианна, леди Мирианна, – леди Алисия отступила, позволяя падчерицам подойти. А ведь она немногим их старше.

И девицы хороши.

– Мне показалось, что нашим семьям стоит сблизиться, – пророкотал рыцарь. – И как знать, вдруг дети глянутся друг другу.

Тонкие. Изящные.

И в нарядах роскошных. Золото волос скрыто сеткой.

На головах чепцы, не такие рогатые, но высокие, словно

башни.

На шеях – жемчуга. Пальцы переливаются драгоценными камнями, как и наряды. Хорошие девушки из хороших семей. Вот только юный барон смотрит без должного восторга.

Скажет?

Нет, не здесь. Не стоит сеять в сердцах слуг сомнения. А ведь за встречей многие наблюдают.

– Это будет просто замечательно, – баронесса мягко улыбнулась. – Но уже поздно. Прошу вас. Ваши покои готовы.

Позже, в той самой зале, которая многое успела повидать, ныне убранной и наряженной к приходу гостей, разговор продолжился.

Обо всем.

Только не о том, что важно.

Рыцаря звали Хальгрим. Второй сын, надежная опора для брата и отца, владелец замка и земель, которые весьма богаты, но не настолько, чтобы не желать большего. Его желания были видны, как на ладони. И не только Винченцо. Они проскальзывали во взгляде, которым Хальгрим окинул зал, задержавшись на гербе рода де Варрен. В движениях. В голосе. В том, сколь спокойно и уверенно отдавал он приказы слугам. И те спешили исполнить.

Хальгрим занял место по правую руку барона.

– Надеюсь, ты не возражаешь, мальчик, – прогудел он. Даже избавившись от доспеха, он производил впечатление. Огромный, полный жизненной силы человек. И рядом с ним

баронесса гляделась слабой, да и мальчишка тоже. – Все-таки я твой наставник.

– Еще нет, – сухо ответил Джеррайя де Варрен.

По правую его руку села баронесса.

И уже рядом с нею – юная невеста барона.

– Это дело недолгое, – Хальгрим махнул рукой. – Эй вы там, чего заснули! Что-то твоя дворня, сестра, совсем от рук отбилась. Запустила ты хозяйство.

– Я болела.

– Да, да, слышал. Ничего, Алисия поможет. Так вот, завтра прилюдно принесешь клятву. Сила в тебе есть.

Откуда знает?

Видит? Или скорее ощутил эхо её, пусть собственный источник юного барона лишь пробудился. И значит, о собственном даре Хальгрим знает, более того, худо-бедно, но умеет пользоваться.

– Боюсь, не выйдет, – Джеррайя махнул рукой, и слуги засутились. На столах, и без того заставленных едой, появились запеченные целиком поросята. С кухни несли жареных фазанов, горки перепелов, фаршированного травами лебедя.

Следом появилась рыба.

Жареные сони, политые медовым соусом. Томленные ребра оленя.

– Не бойся, – Хальгрим подхватил с блюда толстый ломоть мяса, посыпанный перцем и южным орехом. А ведь почти хамство.

Трапезу начинает хозяин.

И Джеррайя знает о том. Хмурится. Но держится. Похвально. И Винченцо едва заметно кивает, пусть никто и не видит. Да, ему позволено присутствовать, но его место где-то там, далеко от помоста, среди свиты. Рядом с ним молча склонился Арвис. Его шея закаменела, и плечи тоже.

Ему трудно сдерживаться.

По другую сторону сидит Такхвар. Он кажется безмятежным, но Винченцо кожей чувствует напряжение.

– Оно, конечно, следовало бы раньше заняться делом, но твой отец не слишком торопился.

Детям старого барона за столом не место.

И к лучшему.

Им безопаснее на женской половине.

– Верно, рассчитывал, что отпишет фьеф своему ублюдку, но вышло, как оно вышло... так что я помогу. Всего-то надо будет, что пару слов сказать. Читать-то умеешь?

– Умею, – барон поднял с блюда тощую перепелку и протянул родственнику. – Но я уже произносил эти слова. И наставник у меня имеется.

– Даже так?

– Отец настоял, – не моргнув глазом, соврал мальчишка. – Он нашел достойного человека.

– Ты мне не писала.

– Прости, – баронесса потупилась. – Разве женщина может что-то знать о вещах действительно важных.

– Твоя правда, – перепелку Хальгрим разломал пополам и сунул в рот. Жевал вместе с костями, и хруст был слышим. – И что за он?

– Наемник, – баронесса протянула через стол серебряное блюдо с жареными ежами. – Попробуйте, леди Алисия, они сейчас только жир нагуливают. Весьма нежны.

– Кто-то из старых знакомых?

– Не знаю.

– И где он? – Хальгрим обвел взглядом всех, присутствовавших в зале. – Куда посадили? Отчего ты, мальчик, проявляешь к своему наставнику такое неуважение?

– Он болен.

– Чем?

– Понятия не имею. Что-то с магией связано, – баронесса давно научилась мешать ложь с правдой. – Какое это имеет значение? Если он умрет, то проблема разрешится сама собой.

– И то верно, – Хальгрим явно повеселел. – Потом покажешь мне этого... наставника. А ты, парень, ешь и побольше. Тощий какой. Так значит, венец тебя принял? Жаль, что я не присутствовал. Спешил, да. Спешил. Но опоздал. Покажешь? Твой отец отличался редкостным упрямством. Я не раз и не два предлагал ему хорошую цену...

Винченцо прислушивался к разговору, впрочем, не он один.

– Скажи, – шепотом поинтересовался Такхвар. – Твоя

сестра... что она говорит?

– Что он поправится, но нужно время, – так же шепотом ответил Винченцо.

– Чтоб оно у нас было.

Хохот Хальгрима заставил содрогнуться и каменные своды.

Позже, когда задудели дудки и застучали барабаны, радуя гостей, Винченцо тихо встал и вышел. Суета нарастала. И в ней никто-то не заметит исчезновения человека столь ничтожного.

Не должен был бы заметить.

– Маг? – путь заступили.

Незнакомец.

Высокий. Сильный. И в зачарованной броне.

Из чужаков, что ныне разбрелись по замку, то ли уже захватывая, то ли готовясь захватить.

– Маг, – Винченцо пошевелил пальцами, прикидывая, сколь неудобно получится, если он возьмет и убьет гостя.

– С тобой говорить хотят, – на плечо упала рука в латной перчатке. Кожу обожгло заклетьем. Защитное? Или что-то посложнее?

Главное, что человек был уверен в собственной силе.

Пускай.

– Кто? – осведомился Винченцо, сдерживая рвущуюся наружу силу, которой категорически не нравились посторон-

ние заклатья, особенно те, которые норовили эту силу ограничить.

– Узнаешь. Идем.

И его отпустили.

Повернулись спиной, явно выказывая не доверие, но скорее уж презрение. Или самоуверенность? Доспех и вправду хорош. И делали его мастера. Против мага средней силы он бы защитил.

Пожалуй.

Пойти?

Почему бы и нет.

Идти пришлось недалеко. Гостей разместили в старом крыле, где стены были сложены из темно-красного гранита. Грубо обтесанные камни крепились темным раствором, и Винченцо в какой-то момент показалось, что он находится внутри огромного то ли зверя, то ли голема.

Факелы.

И живое пламя, наполняющее коридоры жаром. Дым, что собирался под потолком, пробиваясь в узкие норы воздухопроводов. Тусклый блеск металла, ибо единственным украшением здесь было оружие.

Много оружия.

Старого и очень старого, но все одно ухоженного, а потому опасного.

Двери из дуба.

Тяжелые. Такие не выбить ударом, разве что бить чистой

силой. Но здесь, в этом месте, сила почему-то чувствовалась плохо. Пусть и не исчезла вовсе, как там, внизу, но все-таки...

Стража.

У каждой двери.

И вот нужная, от прочих отличающаяся лишь узким полотнищем знамени, на котором свернулась гадюка. Стало быть, покои самого Хальгрима?

Высокая честь.

Как бы её выдержать без ущерба. Впрочем, когда дверь распахнулась, Винченцо вошел без колебаний. Если он что-то успел понять про человека, решившего занять замок, так это то, что силу он уважал.

И только силу.

Внутри было жарко. Горел камин. Пылали три жаровни. На огромном столе нашлось место семирогим канделябрам, на которых оплывали восковые свечи. От этого жара было трудно дышать.

Пахло благовониями и потом.

– Маг, – в комнате голосу Хальгрима было тесно. – Подойди.

В спину толкнули, поторапливая.

Винченцо сделал шаг, вперившись взглядом в человека, который явно не понимал, во что ввязывается. Хотя Винченцо и сам не очень понимал.

Большой.

И привык, что к росту своему, что к богами дарованной силе. К власти. К тому, что он умнее. Хитрее. Опаснее прочих. И теперь вот на Винченцо поглядывал сверху вниз, с вялым интересом. Кого он увидел?

Изможденного слабого человека, который выдавал себя за мага.

– Как тебя зовут?

– Винченцо.

– Господин, – отозвались из-за спины и опять ткнули. Вот что за привычка-то дурная, в живых людей всякой гадостью тыкать. Но Винченцо сдержался и даже выдавил:

– Господин.

– Умный маг. Давно тут?

– Нет... господин.

– Хорошо. Служишь?

– Да, господин.

– Сестре?

– Да, господин.

– Мне сказали, что у тебя тоже сестра имеется, – он прищурился. И показалось, что этот человек на самом деле куда опаснее, чем кажется. – Её не было.

– Она занята. Господин.

На четвертый раз произнести это слово получилось куда как легче.

– И чем же?

– Пациентом. Она не может его оставить.

Хальгрим прищурился, взгляд его сделался колючим, в нем читалось предупреждение. А Винченцо подумало, что тот, кто стоял за его спиной, потянулся к мечу.

И ударит он без раздумий.

Нехорошо.

Убивать кого-то не хотелось.

Но вот Хальгрим кивнул, будто приняв решение.

– Она ведь не замужем? Целительница?

– Да, господин.

– Потом взгляну. У меня есть достойные люди. Возможно я сумею помочь в твоей беде.

– Простите... господин?

– Мне сказали, что твоя сестра уже немолода. Сколько ей? Больше двадцати, верно? И еще не замужем. Это плохо. Женщин надо пристраивать в надежные руки, пока они молоды, – это было сказано весьма снисходительным тоном. – Твой долг, как брата, состоял в том, чтобы позаботиться о счастье своей сестры.

Винченцо прикусил язык. Смысла говорить, что у Миары собственные представления о счастье, не было. Все одно не поймут.

Решение принято. И его лишь ставят в известность.

– Ничего. Я подберу ей хорошего мужа. Тем более целительница.

– Благодарю, господин, – получилось подавить смешок.

– А ты отплатишь мне добром за добро.

– Всенепременно, господин, – а это уже чистая правда. Винченцо еще когда привык платить. В том числе и за добро.

– Садись, – Хальгрим указал на низенький табурет, который стоял в трех шагах от кресла. – И выпей со мной.

Винченцо опустился, куда сказано, отметив, что табурет на диво неустойчив. И что сидеть на нем, сохраняя равновесие, непросто. А еще сложнее – дотянуться до Хальгрима.

Клинком.

И тот наверняка это знает. Потому и глядит выжидающе. Правда, никто не сказал ему, что хорошему магу клинок нужен скорее для вида. Да и вставать, чтобы заклятье кинуть, нужды нет. Сидя, оно даже удобнее.

Подали вино в тяжелом кубке, который Винченцо принял. Но пить не стал.

– Не доверяешь? – густые брови сошлись над переносицей.

– Простите, господин, но я был болен. И сила пока не стабильна. Мне нельзя вина.

– Тогда пей воду, – с легкостью согласился хозяин покоев. – Пей и рассказывай.

– О чем?

– О том, что тут творится. Моя сестра явно что-то недоговаривает. И мальчишка этот... – он скривился. – Мне сказали, у него невеста есть. Что за она? Откуда взялась? Пей, маг. Пей, говори и не вздумай солгать.

Подали воду. Тепловатую. Пахнущую болотом.

И слегка – травой.

Винченцо сделал глоток и с трудом сдержал улыбку. Все-таки, если жизнь и сталкивала Хальгрима с магами, то явно с не самыми сильными. И вправду забавно. Пытаться опоить того, кто полжизни провел в городе магов?

Да и Миара в свое время постаралась.

Так что воду Винченцо выпил.

И рассказывать начал. Отчего ж не рассказать-то?

Глава 7

На четвертый день Миха добрался-таки до окна и снял тяжелые створки. Теплый воздух ворвался в комнату, выметая ту тяжелую, дымно-травянистую вонь, которая в ней повисла. Он же сам, встав у окна, опершись руками на подоконник, просто дышал.

– Простудишься, – заметила Миара.

Кто бы сомневался.

Донесли.

Миха даже не разозлился. Смысл? В его комнате постоянно были люди. Слуги. Служанки. Раб, чье место было у порога, и он-то не покидал комнаты даже ночью, словно Миху панически боялись оставить одного.

Тогда, в тот самый первый день, заглянул барон.

И баронесса.

Ица, обряженная в тяжелый бархатный наряд, который она с видом презадумчивым расковыривала. Такхвар с медом и пожеланиями скорейшего выздоровления.

Снова барон.

Опять баронесса. Бледный, с трудом стоящий на ногах Винченцо, который, в отличие от прочих, не стал говорить, и вообще упал на стул там и сидел, буравя Миху взглядом.

– А что я? – сказал тогда Миха. – Сами напоролись.

– Вот уж точно.

Миара тогда выскользнула за дверь, но Миха уже успел понять, что далеко она не отойдет. И это несколько нервировало.

– Она предложила на ней жениться, – пожаловался Миха. То есть, жаловаться он не собирался, но прозвучало именно так.

Винченцо хмыкнул.

– Она всегда умела приспособиться к обстоятельствам.

И голову запрокинул. Закрыв глаза.

– И что мне делать?

– Думай. Я уже не хочу ничего и никому советовать.

– Она сказала, что есть какой-то ритуал. У магов. Что после него она уже не сможет вредить мне.

– Верно, – Винченцо не открыл глаз. – Но и пользу можно причинять так, что жить не захочется.

Он немного помолчал. Миха тоже. Говорить как-то было не о чем. А выгонять неудобно. Да и тогда Миха останется в окружении слуг, рабов и такой удушающе заботливой Миары.

– Ритуал действительно существует. Он был создан... давно создан. Очень давно. Именно с тем, чтобы связать узами мужчину и женщину. Чтобы уберечь обоих от тех, кто стоит за спиной. Его рода. Её рода. Всегда были сложности.

Миха подумал и согласился. Где их только, этих сложностей, не было.

– Сила связывалась. Судьба. Линии жизни. В исконном

ритуале.

– Жили они долго и счастливо, и умерли в один день?

– Точно, – маг вяло улыбнулся. – Сейчас разделяют. Жизненные потоки. Кому охота умерать вслед за женой? Но ритуал все равно накладывает обязательства. На обоих. Знаешь...

Он определенно задумался. И думал, шевеля бледными пальцами. Долго думал. Подали ужин. Снова бульон, правда, густой и с мясом, разобранным на тончайшие волоконца. К нему – пару ломтей местного ноздреватого темного хлеба.

Кашу.

Мед.

Вареные яйца. В общем, именно то, что нужно было оголодавшему за день человеку. Жрать Михе, что характерно, хотелось постоянно.

– Я как-то прежде не задумывался, – Винченцо принесли молока. И пил его он с видом страдальческим. Но пил. – В этом ритуале много общего с тем, который использовали на тебе. Но есть и различия. Общее, полагаю, в ментальной составляющей. Он меняет разум.

Вот уж не было печали.

– Не столь радикально, но появляется привязанность. Обоюдная. Мой отец любит... любил своих жен. И братья тоже. В определенной мере. Заботятся. Защищают. Хотя нет, любовь – не то слово. Сложно подобрать. Знаешь, теперь многое видится иным. Для этого надо было умереть. Но не

жалею. Обряд... по городу ходили упорные слухи, что во время обряда более сильный маг может выпить более слабого. Что порой маги из числа великих брали в жены простолюдинок. Одаренных. По обряду. Но ни одна обряда не пережила. А маг прибавлял сил.

И почему Миху это не удивляет?

Но он молчит.

Ест суп.

– Только насколько это правда, не скажу. Слухов всегда ходит много. Факты... то, что творится в башне рода, остается в ней. И вряд ли Миара рискнула бы вновь. Сейчас она слаба.

Вот уж слабой она не выглядела. Уставшей – это да, но не слабой.

– Тогда зачем?

– Говорю же. Обряд меняет. Мой брат не слишком рад был женитьбе на женщине из рода Хаммас. Она была не слишком красива, да и умом не отличалась, как и силой. Но он подчинился воле отца. Тот сам проводил ритуал. И когда брат вышел, он смотрел на жену иначе. Это и вправду крайне сложно объяснить. Не было восторга, нет. Или восхищения. Этой вот безграничной любви, которая появляется после использования «Верного рыцаря». Скорее уж он её принял, как родного человека.

Понятно, что ни хрена не понятно.

– Возможно, Миара на это и рассчитывает. Кстати, Айя

Хаммас тоже стала относиться к брату иначе. Больше никто не видел слез на её лице. И не слышал дурных слов о нем, хотя характер у него сложный.

– Я не маг.

– Именно. Но сила в тебе имеется. В теории её хватит на проведение ритуала.

– А на практике?

Винченцо пожал плечами.

– На практике все сложнее. Во-первых, ритуал проводит старший в роду.

– Отец?

– Отец умер. Мой брат далеко. Да и не согласился бы он. Но у нас есть малая Печать, в которой хранится эхо силы рода. Её должно хватить.

– В теории.

– Именно. Ты хорошо все понимаешь, – склонил голову Винченцо. – Добавь, что ни я, ни Миара не знаем тонкостей ритуала. В общих чертах – да. Допускаю, что у нее есть записи отца или еще кого-то, но опять же, сколь можно им верить?

Именно.

Им.

И самой Миаре.

– Зачем ей это надо? – пожалуй, именно этот вопрос волновал Миху сильнее прочих. Потому что, как ни крути, стоило признать, что она могла найти и партию лучше.

Тот же Арвис.

И при бароне. И при оружии. И состояние худо-бедно имеется. Правда, он может оказаться женат, но что-то подсказывало, что Миару, появившись у нее столь странное желание, это не остановило бы.

– Сложно сказать. На самом деле я плохо понимаю её. Никто, наверное, не понимает. Целители... они все самую малость свихнувшиеся. Не их вина, конечно. Скорее уж беда. Их учат так, что остаться нормальным шансов нет. Да и... там нет нормальных. Не выживают.

– И ты?

– И я, – Винченцо заглянул на дно кубка с молоком. – Сейчас я слаб. Вот и не думаю, что говорю. Не слушай. Или слушай. Как тебе хочется. А что до Миары, может, она и вправду защиты ищет.

– Ей и защита?

– Да. Она может убить. Способна. Без метаний. Сомнений. Угрызений совести. Она и убивала. Нет убийц более искусных, чем целители. Это все знают. И боятся подобных ей. Но и она бывает беззащитна.

– Она могла бы найти кого-то лучше.

– Вряд ли, – он встал, пусть и движения давались ему тяжело. – Кого? Кого-то из людей? Они не рискнут связываться с магом, тем более таким, как Миара. Маги? Они потребуют провести обряд, и поверь, будут использовать его по полной. Ты же довольно мягок. И жалостлив.

Это не прозвучало похвалой.

– И мною можно будет манипулировать.

– Всеми можно манипулировать, – Винченцо пожал плечами. – И люди этим пользуются. Родители манипулируют детьми. Дети – родителями. Мужья женами и наоборот. Так что... разве что Миара будет делать это куда более умело. Ты и не почувствуешь.

– Это-то меня и пугает.

Винченцо рассмеялся, показалось, вымученно. Хотя и сам Миха устал от этого разговора.

Решение он принял. Давно уже принял. Наверное, даже сразу.

– Если я откажу, она обидится.

– Да. Она все-таки женщина. А женщин ранят мужские отказы.

– И будет пакостить?

– Всенепременно. Убить не убьет. Более того, ты рискуешь быть самым здоровым человеком в округе, она все же не самоубийца. Но...

– Жизнь испортить сумеет.

– Точно. Видишь, стоило умереть, и мы стали хорошо понимать друг друга, – он потер шею и пожаловался. – Когда я засыпаю, я умираю снова. Каждую ночь. Это неприятно. Маковое молоко и то не помогает.

– Маковым молоком не увлекайся, – предупредил Миха.

Ему только наркомана глубоко одаренного не хватает для

полноты ощущений.

– Знаю. На нас многое или не действует, или действует иначе, чем на обыкновенных людей. Тем более все равно не помогает. Поганые ощущения.

– Я могу чем помочь?

– Вряд ли. Это как-то связано с сакхемскими барабанщиками. И вообще всем. Надо разбираться, но пока сил нет. Извини. И я скажу ей сам, ладно?

– Спасибо.

– Все-таки она моя сестра.

– У вас вроде братья имеются, – не то, чтобы Михе было так уж интересно, но отвлечься хотелось. Да и не мешало бы побольше узнать об этих самых братьях, которые могут заявиться и потребовать магичку.

Что Михе тогда делать?

Разумно было бы отдать, но, кажется, разумность – это не про него. Во всяком случае мысль о таком вот компромиссе и невмешательстве в дела семейные показалась отвратительной.

– И сестры.

– О сестрах она не упоминала.

– Они не стоят упоминаний, – отмахнулся Винченцо. – Из законных лишь одна, да и ту года два отдали в другую семью. Это была весьма выгодная сделка. Во всяком случае отец остался доволен.

Нет, все-таки долбанутый тут мирок.

На редкость.

– Братьев тоже много. Точно не скажу, сколько. Каждый год появлялся кто-то, но от рабынь и... город – поганое место, – он прикрыл глаза. – Моя мать была рабыней. Красивой. Её отец долго держал. Даже позволил оставить меня.

– Любил?

– Не уверен, что мы в принципе способны на любовь. Сила, она ведь дается не просто так. Ничего не бывает даром. А когда начинают учить, то любовь и прочее... это все быстро уходит. Не важно. Я помню её. И это больше, чем есть у многих, кому не повезло родиться одной со мной крови.

Дышит он спокойно. А Михе вот опять есть хочется. После пробуждения ему постоянно хочется или жрать, или спать. И остается верить, что это – временно.

Что отойдет он.

Поправится.

И станет нормальным человеком. Относительно нормальным. В рамках, так сказать, окружающего трэша.

– Дети бывают от законных жен и прочие. Мой брат Теон рожден второй женой отца. Старшая как раз произвела на свет девочку, ту, которую отдали в другой род. Она оказалась не слишком талантлива, что отца разочаровало. Впрочем, жену свою он не обидел. У нее свой этаж в башне, прислуга, двор. Она получает подарки и все то, что должна получать законная супруга. Но вторая родила Теона. Третья оказалась бесплодной. Как ни странно, но такое тоже часто слу-

чается. Миара полагает, что дело в силе, что не всякая женщина способна выносить одаренного ребенка. Четвертая родила Алефа.

Миху передернуло.

Бедный мужик, этот покойный ныне маг. Тут с одной бабой хрен сладишь, а тут четыре.

– Теон старший. Боги щедро наделили его силой, хотя Миара полагает, что ему не помешало бы и немного ума. Но она предвзята. Законные дети... живут. Даже если случится им появиться на свет обыкновенными, им находят дело. И долю в наследстве. Они – часть рода. Слава его. Сила его.

– А ты?

– А я... когда-то мне казалось, что я сделаю все, лишь бы меня однажды признали частью этого рода. И я сделал.

– Признали?

– Да.

– И как?

– Оказалось, что ничего-то это не изменило. Может, для посторонних я и стал одним из Ульграх, но для Теона и его жен, как и жен моего отца, я так и остался перспективным ублюдком. Таким, который улучшит кровь и породу. Если, конечно, позволят.

– А...

– Это лучше, чем стать рабочим материалом, как случилось с иными.

– В смысле?

– Быть магом непросто. Иногда случается, что сила меняет тело. И не всегда эти изменения на пользу. Как-то после неудачного эксперимента у Теона сердце стало сбоить. Пришлось менять. А легче приживается орган родственной крови, чем взятый у рабов. Вот и... бывают проклятья, несмотря на все предосторожности. Яды. И многое иное, что можно излечить, но и у лечения есть своя цена.

– То есть, – уточнил Миха. – Тебя твой брат на органы пустит?

– Скорее уж на ритуалы. Есть способ забрать силу. Крайне неприятный. Не хотелось бы, – эта улыбка походила на оскал. – Но не думай. Я давно нашел способ избежать подобной участи. Есть яды, с которыми и целители не справятся.

– Суицидник хренов, – проворчал Миха.

А маг рассмеялся.

И встал.

– Иногда смерть – это самый разумный выбор.

Глава 8

Он ушел.

А Миара вернулась. И Миха напрягся, ожидая разговора. Ему и там было сложно разговаривать с женщинами на такие вот темы. Тут и подавно.

Но она ничего не сказала.

И сделала вид, что все именно так, как должно быть. Убрала со стола. Поставила кувшин с травяным отваром. Травы были горькими, и мед, которым их приправляли, мало спасал от этой горечи. Зато она прогоняла туман в голове, и слабость тоже. И ноющие мышцы успокаивались.

Миара ушла.

А Миха остался. Следующие дни так и потекли, до отвращения одинаковые и тоскливые, потому как разговорами его отвлекать было некому. В тишине же в голову лезло всякое. В том числе и память.

Дом.

Родители.

Братья, которые встретятся на его, Михи, похоронах. Порой вялая надежда, что на самом деле он не умер. В какой-то момент она даже сменилась желанием проверить. Может, если он помрет здесь, то вернется? Домой? И желание росло, сделалось почти невыносимым, тогда-то Миха и открыл окно. Нет, конкретных планов у него не было, просто понял,

что еще немного и задохнется. Но стоило выбить ставни, глотнуть воздуха, и это желание умереть исчезло.

А потом появилась магичка с вопросом и все окончательно вернулось на круги своя.

– Злишься? – Миха все-таки не выдержал.

– Нет. Скорее думаю, что делать дальше, – Миара опустилась на стул. – Пока есть еще время что-то сделать.

– И много его? Времени?

– Понятия не имею. Как дела пойдут. В городе у меня остались знакомые, но я не уверена, что это только мои знакомые. Отец не доверял Теону. Никому не доверял. Возможно, когда понял, что происходит, то попытался ввести в курс дела, но времени ему бы не хватило. Понять он должен был бы уже после моего отъезда, иначе я бы тут не сидела. А за пару дней, даже недель всего не успеть. Следовательно, до многого Теону придется доходить самому. Это его займет. Как надолго? Полгода? Год? В идеальном варианте и на несколько лет затянет, но я бы не рассчитывала. Он сильный. И Алеф его поддержит. Еще придется разбираться с союзниками и малыми кланами, завершать проекты, выполнять обязательства. Совет вновь же не упустит случая потеснить Ульграх. А грызня в нем затягивает.

Внизу царило какое-то нездоровое оживление. Люди суе-тились. И пусть Михе видна была лишь часть двора, но то, что происходило там, не могло не привлечь внимания.

Кто-то приехал?

Гости?

– Однако рано или поздно Теон восстановится настолько, чтобы попытаться вернуть нас.

– На кой вы ему сдались?

Что-то в столь горячую родственную любовь, которая не позволяет отпустить сестру, не верилось.

– Он слабее отца. А у меня сильный дар. Я могу принести сильных детей.

– Серьезно? Он ведь твой брат?

Гостей было много. Слишком уж много, что в замке, что за стенами его, где поднимались разноцветные шатры, чтобы не видеть в них угрозы. И Миха нахмурился. Кто эти люди? Откуда взялись? И главное, что им понадобилось здесь?

– Поверь, я ему указывала на этот нюанс, – Миара подошла.

Чересчур близко. Миха бы отстранился, если бы было куда.

– Это брат баронессы, – она указала на рыцаря, который среди прочих выделялся массивностью и убранством. – Она весьма надеялась, что ты поправишься настолько, чтобы приветствовать его.

– Воздержусь.

Рыцарь Михе не понравился. Заочно.

– А твой брат? То есть, другой. Который здесь.

– Винченцо? Его беда в том, что он тоже силен. И куда сильнее Теона, хотя никто этого не признавал. И не призна-

ет.

Понятно.

От этакой угрозы стоит избавиться. А уж если использовать выйдет, так совсем хорошо.

– Баронесса уверена, что её брат попытается захватить замок. Не сразу, но со временем.

– А ты что думаешь?

– Думаю, что она права. Но убивать его вот так сразу не стоит.

И главное, сказано это было спокойно, равнодушно даже.

– Почему? – уточнил Миха.

– Слишком много людей с ним. Они могут неправильно понять ситуацию.

И вправду много. Сколько? Миха видны лошади, которых уводят на конюшни, и эти самые люди. Пару десятков точно наберется. По местным меркам – изрядная сила.

– Тем более, высока вероятность, что действует он не по своей инициативе. А войну мы пока не потянем, – Миара отстранилась от окна. – А вот тебя он убить попытается.

И Миха ей поверил.

Почему-то даже не удивило. Логично же. Миха в тесном семейном кругу явно лишний.

– Вопрос лишь в том, каким именно образом он решит это сделать. Яд?

Миха покачал головой.

К ядам он, если память не изменяет, довольно устойчив.

– Несчастный случай? Хотя... брат говорит, что ты драг-ра одолел. Человеку, который способен на такое, довольно затруднительно устроить по-настоящему надежный несчастный случай.

– И что останется?

– Нож в спину.

Душевная у них беседа. А суэта внизу лишь усиливалась.

– И что мне делать?

– Как что? – почти искренне удивилась Миара. – Конечно, ударить первому. Только так, чтобы доказать твою причастность было... непросто. А лучше вовсе невозможно.

– Скажи, ты и вправду не злишься? Извини, но... как-то я не готов к браку даже на столь выгодных условиях.

– Вин порой бывает излишне болтлив. Но в остальном я и вправду не злюсь. В этом совершенно нет смысла. И я не собираюсь тебе вредить.

– Даже так?

– Я собираюсь тебя использовать. А для этого ты должен быть здоров, полон сил и желания выжить. А потому будь добр, вернись в постель.

Миха хмыкнул.

И подчинился. Благо, жар отступил, а с ним и испарина. Постельное белье, пусть несколько жестковатое, пахло травами и цветами. Матрац был довольно жестким, подушки – мягкими. Одеяло легким.

– Хорошо, – Миара встала возле кровати и слегка нахло-

нила голову. – Но вид у тебя чересчур здоровый.

– Мне казалось, это должно тебя радовать.

– Как целителя – несомненно. Но в нынешних обстоятельствах, чем более болезненным ты выглядишь, тем меньшую угрозу представляешь. А навестят тебя сегодня непременно.

Миха подумал, что неплохо бы снова погрузиться в беспмятство. А что, лежишь себе тихонько, никого не трогаешь, и сам-то никому особо не нужен.

Красота.

Миара обошла кровать с одной стороны.

С другой.

Хмыкнула. И подала клинок. Вот ведь... гюрза. И главное, не понятно, откуда взяла-то? Только вот стояла с пустыми руками, и нате вам. Главное, что ножичек такой, немаленький. В корсете не спрячешь, не так много там места.

Миха на всякий случай покосился.

И объемы определенно не те, чтобы клинок не выделялся.

– На всякий случай, – сказала она любезнейшим тоном. – Под одеяло убери.

– Благодарю, – столь же любезно отозвался Миха, подумав, что в его-то обстоятельствах стоило в первую очередь оружием озаботиться, а не падать в дебри рефлексии и самопознания. – Отравлен?

– Само собой, – Миара чуть склонила голову.

– Думаешь, пригодится?

– Как знать. Самый простой способ убить кого-то – подку-

пить слугу. Или раба. Пусть все видели, что венец тебя признал, но клятву-то принести не успели.

Она слегка поморщилась.

– Что?

– С одной стороны, клятва челяди упрочила бы твое положение. С другой она показала бы, что ты куда более серьезный противник, чем представляется. А чем серьезней враг, тем аккуратнее устраивают ему несчастный случай.

Говорила Миара так, как человек знающий, которому определенно случалось устраивать эти самые несчастные случаи.

– Ему все равно расскажут.

– Несомненно. Но что именно? И поверит ли? Хотя... сложно сказать. Мне нужно встретиться с этим человеком, тогда и посмотрим.

Сказала и вышла, оставив Миху наедине с кинжалом. На сунувшегося было в комнату слугу Миха сам цыкнул. Как-то вот... и вправду не было у него доверия к местным.

Совершенно.

Он поднял клинок. Красивый. Миха только в музее такие и видел. Там, в прошлой жизни. А Дикарь тоже оценил. И сизо-голубую сталь, покрытую вязью узоров, которые явно о чем-то там говорили.

Только...

Стоило признать, что попаданец из Михи, как из дерьма пуля. Если не хуже.

Что он знает?

А ничего.

Порох? Что-то там крутится про селитру с углем и серой. Допустим, можно будет поставить опыты. Вывести формулу. И куда её?

В том и дело.

Пушки создавать? А из чего? И главное, как? Про пушки Миха только и помнил, что лить их было сложно и царь Петр на них колокола переводил. Церковные. Тут церковей не было, а если и имелись, вряд ли они отнесутся с пониманием к Михиному желанию прогресс ускорить.

— Твою же ж... — он погладил костяную рукоять, переви-
тую кожаным шнуром. Та была маловата, видать, делалась
все же под женскую руку. — Надо было идти на истфак.

А вот сам клинок прямо ластился.

И сталь казалась теплой, только желтоватые пятна на
кромке намекали, что увлекаться не стоит. И что не шутила
магичка про яд.

Клинок Миха убрал под одеяло.

Итак, с порохом понятно, что ни хрена не понятно. Кроме
пушек куда его? В ружья? Но их тоже надо как-то сделать. И
как? Нарисовать на коленке примерный план и найти како-
го-нибудь местного гения? Где искать-то? Биржи гениев тут,
как подсказывал здравый смысл, нет.

Гугла тоже.

Миха вздохнул.

Тогда что ему внедрять, мир совершенствуя? Теорию эволюции Дарвина, которую он с третьего раза сдал? Или особенности номенклатуры? Систематику костных рыб? Правила гербаризации?

Великое знание об экологических связях?

Он даже застонал, осознавая всю глубину собственной никчемности.

Или... антибиотики? Оно, конечно, после того, что Миха видел, появляются сомнения в том, что антибиотики в принципе нужны. С другой стороны, может, Ица и способна руками сердце перебрать, но она такая одна. Ладно, с Миарой две. Но это мало. Людей-то в мире хватает. И найдутся те, которые оценят возможность не сдохнуть от пневмонии при отсутствии рядом мага-целителя. Но что Миха про антибиотики вообще знает?

Пеннициллин.

Хлеб.

Плесень. Только помимо нужной, на хлебе еще десяток других вырастает. И... как быть? Как определить без микроскопа, какая плесень ему нужна. А дальше? Размножить, не допустив загрязнения другими видами грибков, экстрагировать пеннициллин. Стабилизировать.

И все это вывести в промышленные масштабы.

Хрень!

– Хрень, – повторил Миха вслух.

Тогда что?

Металл? Его здесь добывали. И как-то обрабатывали. И про металл он знает примерно столько же, сколько и про пушки.

Технологии?

Какие, мать его? Сотовой связи? Устройство микроскопа? Хотя что-то полезное есть в его никчемной голове? Миха сдавил её руками. Надо успокоиться. В конце концов, если он ничего не знает, что из того? У него же нет сверхзадачи, верно?

Прогресс? В жопу прогресс. Ему бы выжить для начала.

Жреца Ирграм отыскал на опушке. Тот сидел, скрестив ноги, и жевал травинку, и выглядел до отвращения невозмутимым, даже довольным жизнью. Вот только чуть дальше валялись останки лошади, источавшие едкую вонь падали, да и собственные одежды жреца, развешенные тут же, на ветке, пестрели алыми пятнами крови.

– Я рад, – сказал он, не обернувшись даже, – что ты жив и в своем уме.

– Я тоже рад, – проворчал Ирграм и потянул носом.

Нюх за прошедшие несколько дней, которые он потратил, пытаясь выбраться из гребаного леса, обострился. И теперь Ирграм чуял не только едкий запах пота, исходивший от жреца, или тяжелую вонь цветущего багульника – тот по болотам разросся, покрывая их зелено-бурым ковром – но и более тонкие ароматы.

Заячий след.

И вонь, оставленную матерым кабаном, что чесал бока о дерево. След крупного хищника, с которым Ирграм решил не встречаться. Сам он тоже пах, но почему-то трудноопределимо.

Жрец поднялся.

– Ты не ушел, – Ирграм поскреб бок. Подумалось, что собственные его одежды тоже грязны и нуждаются, что в стирке, что в починке. – Почему?

Величественная громадина замка де Варрен виднелась впереди. До нее оставалось еще полдня ходу, но вряд ли жрец убоился трудностей.

Сколько он тут торчит?

Ирграм в лесу провел не один день. Первые он вообще смутно помнил.

– Мне показалось, что так будет правильно.

И весь ответ.

– Ты голоден? – жрец чуть склонил голову.

– Нет.

Рытвенник исправно появлялся с заходом солнца. И если в первый раз он сперва долго кружил, не решаясь приблизиться, то после осмелел и сразу подходил к Ирграму. Он оказался неплохим охотником, а заячья кровь вполне себе утоляла голод.

Однажды рытвенник завалил и косулю. Тогда Ирграм напился досыта, да и тварь наелась. Они провели у тела поло-

вину ночи и в душе даже появилась мысль, что вовсе не обязательно уходить из леса.

К чему?

Правда, её Ирграм задавил на корню. Он определенно меняется. И вполне может стать, что, оставшись, ведя жизнь зверя, он зверю и уподобится.

– Это хорошо. Но у животных мало силы. Возьми, – жрец протянул руку.

Рука была смуглой и темной, перевитой жилами. Сосуды выделялись на ней черными узорами, и рот наполнился слюной.

– Нет.

Уговаривать не стали.

Жрец пожал плечами и потянулся к одежде.

– Мы выглядим, как два оборванца, – заметил Ирграм. И запоздало вспомнил о том, что должен был бы хранить. Рука скользнула на пояс, и он испытал преогромное облегчение. Зверь там или нет, но камни Ирграм сберег.

А это давало шансы.

– Боюсь, что именно так нас и воспримут, – согласился жрец. – Кроме того вид мой будет непривычен для людей, здесь обитающих. А это в свою очередь может поставить меня в сложную ситуацию.

Верно.

Тем паче, что камней у него нет. Хотя... наверняка есть что-то иное. Не настолько он доверчив, чтобы двинуться в

путь, полагаясь лишь на порядочность Ирграма.

И все одно.

Он чужак. Темнокожий. Плосколиций. С узкими глазами и той характерной внешностью, которая знающим людям многое скажет.

– Если ты не голоден и не нуждаешься в отдыхе, – жрец надевал влажное еще платье, слегка морщась от прикосновения материи к коже. – Тогда я попрошу тебя поторопиться. Чем раньше мы доберемся до цели, тем лучше будет.

– Кому?

– Всем, – спокойно ответил он, закидывая на плечо сумку. Потрепанная, та показалась довольно объемной. Ирграм никогда не задумывался о том, что внутри.

И теперь не станет.

– Держись рядом, – бросил он, скривившись. Мысль о том, что придется покинуть густую тень леса, выйти на открытое пространство, была неприятна. Не потому, что Ирграм кого-то боялся. Только глупец рискнет связаться с магом, даже если этот маг изрядно потрепан.

Нет.

Но солнце стояло высоко. Жар его проникал и под полог листвы, весьма раздражая кожу.

– Все-таки... – жрец одарил Ирграма внимательным взглядом. – Выпей.

Правда, теперь не руку протянул, но пузатую склянку из темного стекла.

– Один глоток. И станет легче.

– Что это? – Ирграм склянку взял и пробку вытащил зубами. Пахнуло травами. Запах был густым, тяжелым. И от него рот наполнился вязкою слюной.

– Смесь. Изготовлена по старому рецепту. Она безвредна. Но способна несколько замедлить превращение. Так во всяком случае было написано. Не знаю, насколько это правда.

– То есть, может быть отравой?

– Вполне. Не попробуешь – не узнаешь.

Пробовать расхотелось. Но Ирграм осторожно капнул зелье на кожу. Прохладное. И зуд, который появился с утра, исчез.

Он осторожно слизнул каплю.

Кисловатая. И прохлада не исчезла, напротив, она поселилась внутри. На долю мгновенья. Однако и этого времени хватило, чтобы решиться.

Тот, прежний, Ирграм ни за что не стал бы пробовать сомнительного свойства зелье. Как и пить заячью кровь, точить внезапно отросшие когти о дерево или спать, обняв покрытую костяными пластинами шею нежити.

Тот, прежний, Ирграм умер.

И нынешний к данному обстоятельству относился с удивительным спокойствием.

Смесь обожгла. И холод растекся по телу, сковывая его. Длилось это долю мгновенья, а потом стало... иначе. Именно. Первым отступил зуд. И запахи поблекли. Вернулась

вдруг усталость, которой Ирграм не испытывал несколько дней. Заурчало в животе.

Это был другой голод, забытый уже. И Ирграму он не понравился. Все не понравилось. Теперь часть его словно очнулась и пришла в ужас от происходящего, вторая же не знала сомнений. И спокойно шагнула на залитую солнцем поляну.

Жрец остановился, приложив ладонь к глазам.

– К полудню должны добраться, – сказал он. И голос почему-то дрогнул. А жрец добавил чуть тише и в сторону: – Надеюсь, она согласится нас выслушать.

Глава 9

Первым к Михе явился барон.

Очень злой барон.

Мальчишку прямо потряхивало от переполнявших его эмоций.

– Ты когда встанешь? – спросил он с порога и взмахом руки отправил прочь и слуг, и рабов, и пару стражников, что явились с ним. – Матушка настояла. Говорит, что мне теперь положено. Что барону нужна свита. Только мой отец сам обходился.

– Доживешь до его лет и тоже обойдешься, – Михе убрал нож под подушку.

– Если доживу, – Джер упал в кресло и вытянул ноги. Уставился на собственные сапоги. – Ты бы его видел! Только явился, а уже ведет себя, точно он тут хозяин! И главное, смотрит на меня, как... не знаю! На придурка какого?

– Сочувствую.

– Матушка говорит, что нужно быть вежливым. Вот скажи, почему я не могу просто выставить его прочь?

– А он выставится? – задал Михе закономерный вопрос.

И сел.

Чем дальше, тем сложнее было лежать. Казалось бы, такое простое занятие, но кто бы знал, сколько нервов оно отбирает.

– В том-то и дело, что нет. Он привел полторы сотни людей. И главное, Арвис утверждает, что половина – наемники. И очень хорошие. А значит, дорогие. И что, возможно, это даже не все его люди.

Джер пошевелил ногами.

А ведь ныне, в этом костюме то ли из бархата, то ли еще из какой ткани, мягкой и дорогой с виду, с золотой цепью поверх костюма, да перстнями, что поблескивали на пальцах, он выглядел тем, кем и был – дворянином.

И короткий меч на поясе смотрелся вполне себе логично.

Михе бы тоже оружием озаботиться каким-никаким.

– Наемникам плевать на законы. Они отвечают только перед нанимателем. И если прикажут, сделают все. Вообще все. Понимаешь? Они-то пока там, под замком. В замок их не пустили. Он предлагал. Мол, его люди могут помочь, но матушка отказалась. Вроде как это будет проявлением недоверия к моим людям. И он вроде согласился. Тут только ближники, а там все остальные. Но ведь и этих станет больше! Пока с дюжину, а там, через неделю-другую добавятся. Мы ж вроде как родичи. Вроде как нельзя не верить родичам. И что мне делать?

– Слушать матушку.

Умная, судя по всему, женщина. И ситуацию понимает правильно. Уж точно лучше самого Михи. Джер скривился.

– Я слушаю. И тоже сказал, что людям своим верю. И вообще... а он сказал, что своим верит. И что скоро нам лиш-

ние люди пригодятся. Так что не отошлет. Воевать станем. Хрен знает, с кем, но точно станем. А главное, что этих вот, которые в замке, хватит, если чего... чтоб ворота открыть. Или еще какую пакость придумать.

Тех же, что встали за стенами, будет достаточно, чтобы воспользоваться открытыми воротами. Джер вздохнул и продолжил.

– Арвис стражу усилил, но поможет ли? Я за матушку беспокоюсь. Но она утверждает, что пока Хальгрим не рискнет причинить ей вред. Сперва он попытается меня женить.

– Сочувствую, – это Миха сказал вполне искренне.

– Дочек своих привез. Они, конечно, красивые, но...

– Родня. Близкая.

– Миара тоже говорит, что это нехорошо. Хотя я ей не слишком верю. Думал вообще прибить, но Ица сказала, что нельзя.

– А где она?

– Я ей сказал, чтобы сидела на матушкиной половине и не высывалась. Она тут точно лишняя, – Джер поморщился и сказал. – Я бы его вызвал и убил, но...

– Скорее он убьет тебя.

– Именно.

– Выходит, что ты не совсем придурок.

Джер вскинулся и засопел обиженно.

– Обстоятельства учитываешь, – Миха потянулся, чувствуя, как гудят мышцы. Надо бы размять. И вообще пора

выползать из этой вот норы. Нельзя же, в конце концов, вечность провести в постели. – Это хорошо. Смысла в героической смерти никакого.

– А в хрониках иначе говорят.

– Меньше читай всякую херню, – Миха покрутил головой.

Вроде не болит.

И не кружится. И завтра он постарается сделать разминку, хотя бы формальную.

– Наш жрец говорил, что читать нужно жизнеописания святых, – проворчал Джер и, наконец, добрался до сути. – Ты его убьешь?

– Жреца?

– Нет. Хальгрима. Если кто и справится, то ты.

– Если он не убьет меня, – все-таки стремления к подвигу у Михи не появилось.

А может, водяную мельницу поставить? Или вообще водяное колесо? Правда, он мало что знает, как о мельницах, так и о колесах, в голове же вертится какая-то фигня о системах очистки воздуха, которые явно в ближайшие пару сотен лет не актуальны будут.

– Надеюсь, что не убьет. Матушка говорит, что Хальгрим хороший воин. И если бы он на самом деле взялся меня учить, я был бы не против. Но он не возьмется. Зачем? Женить женит.

Джер вздохнул. Похоже, вступать в брак ему хотелось еще меньше, чем Михе.

– Ну или попытается. Да... а потом, когда появится наследник. Или наследники, то и прибудет. Или даже раньше. Других наследников нет... не будет, я думаю. А стало быть, может взять все за вдовью долю. Ты ведь попробуешь? Ну, убить его.

– Попробую. На худой конец Миару попросим.

– Тоже думал, – кивнул Джер. – Но если он от болезни помрет или еще как, будут говорить, что его отравили. И от матушки потребуют выдать виновных. А вот когда честный поединок, то, значит, так судили боги.

Твою ж...

– Но пока он тебя не тронет. Ему освоиться надо, – Джер поднялся. – Я пойду, да? Арвис говорит, что ты слаб пока. И тебе лежать надо. Что если ты лежишь, то честь не позволит ему тебя вызвать. А как встанешь, так, значит, и сразу. Но ты... ты выздоравливай, ладно?

– Постараюсь, – буркнул Миха, чувствуя, как желание выбраться из постели напрочь улетучивается.

Или может школы открыть?

Хотя бы одну. В отдельно взятом баронстве. Правда, опять же, для кого? И чему в ней учить? Кому? Михе? Так-то у него диплом вполне педагогической направленности. У них даже практика в школе была, которую Миха скорее пережил, чем прошел.

Нет.

Хреновый из него реформатор.

Или... законы вот придумать? Мудрые. Правильные. Вот тогда-то все и заживут.

Рабство отменить опять же.

Рабы, наверное, обрадуются. Хозяева вряд ли.

Думая, он заснул.

А проснулся от того, что раб, дремавший на циновке у двери, встрепенулся. И малого движения этого хватило, чтобы Дикарь дернул самого Миху.

Темно.

Ставни вновь задвинуты плотно, отчего в комнате душно и пахнет кислым потом. Нос щекочет пушинка, выбившаяся из подушки. Дыхание ровное.

Михино.

А раб крутит головой, пытаясь то ли разглядеть что-то, то ли расслышать. За дверью человек. Дикарь слышал его задолго до того, как человек подошел к этой вот двери. Он ступал тихо, почти крадучись. Но дыхание его было громким, да и сердце стучало.

Поскрипывала кожа необмятых сапог.

Мягко звякнуло железо о железо.

– Иди под кровать, – шепотом велел Миха, потому как больше спрятаться в комнате было негде. И раб не заставил себя уговаривать. Ловко нырнул под кровать, там и замер, застыл. Только теперь стук его сердца перекрывал иные звуки.

Дикарь дернул ухом в раздражении.

Страх мешает.

Сам Миха не боялся, хотя нож нашупал, мысленно пообещав сказать спасибо магичке. Пусть она та еще змея подкодная, но предусмотрительная. А это многого стоит.

Дверь протяжно закрипела. И Миха поспешно вскинул руку, заслоняясь от света. Всего-то свеча на железной подставке, а кажется яркою, будто солнце.

– Не спишь? – осведомился хриловатый голос.

Человек был незнаком.

Высок.

Очень высок. Пожалуй, почти так же огромен, как тот ублюдочный негр, который раз за разом гонял Миху по кругу. Наверное, теперь Миха, случись ему встретиться, и его поблагодарил бы.

Надо же, каким он вежливым становится.

Благодарным.

– Нет, – сухо ответил Миха.

Его тоже разглядывали.

Кого видели?

– Чужак. Откуда ты такой взялся? – Хальгрим, а почему-то не осталось сомнений, что в гости пожаловал именно он и лично, поставил свечу на стол.

– Издалека.

– По-нашему говоришь. Мне доложили. Всякого доложили. Вот и интересненько стало. Захотелось глянуть.

Хальгрим огляделся. Поморщился.

– Сестрица моя не слишком щедра. Чего еще ждать от женщины? Могла бы выделить покои и поприличнее.

– Меня устраивает, – отозвался Миха.

И сел.

Мысль разыграть умирающего он отбросил. Слишком многие Миху видели. И слуги, и треклятые рабы, которые точно не знали о его грандиозных планах по улучшению условий их бытия. И молчать они не станут. Особенно если спрашивать с умом.

Глупым Хальгрим не выглядел.

Опасным – да.

Убивать пришел? Нет. Вряд ли. Слишком уж нагло, да и зачем самому? Он ведь со свитой прибыл. И нашел бы кому поручить. Скорее уж знакомиться.

– Говорят, ты убил драгра.

– Повезло.

– Не слышал, чтобы кому-то еще так везло, – барон поднял кувшин и понюхал. Разочарование на лице его было вполне искренним. – Вода?

– Вина, говорят, пока нельзя.

– Бабы, – бросил он в сторону. – Что они понимают. Моя сестрица думает, что я пришел забрать этот замок.

– А ты?

– У меня свой имеется, – кувшин вернулся на стол. А внимательный взгляд вперился в Миху.

– Замков мало не бывает.

– Твоя правда. Но... хоть дура, но родная кровь все-таки. Да и мальчишка бойкий. Знает, что слабее, но скалится. Это хорошо. Из волчонка рано или поздно волк вырастет.

– Если дадут.

– И это верно, – Хальгрим склонил голову. А потом снял с пояса серебряную флягу и наполнил кубки. Поднял свой. – Садись. Выпей, пока эти дуры не видят. И вообще много воли им дал.

Миха добрался до стола, отметив, что силенок хватит, чтобы не рухнуть мордой в пол. Это уже много.

– Эй ты, ублюдок, – вежливо обратился Хальгрим к рабу. – Убирайся.

Дыхание под кроватью оборвалось.

– На кухню сходи, – велел Миха, понимая, что человеку страшно. Приказ-то быть при Михе он получил не от Хальгрима. – Принеси еды.

Есть и вправду хотелось. Пусть чувство голода было не таким всепоглощающим, но было. И Миха от позднего – судя по темноте очень позднего ужина – не отказался бы.

– Вот-вот. Принеси. А ты пей. Доброе вино. Мне с островов везли. Только там и умеют, чтобы сладкое, да без приторности.

Вино было густым и тяжелым, и сладковатым. Чем-то оно напоминало портвейн, правда, оставляло после себя резкое травяное послевкусие.

Отравить хотят?

Хальгрим тоже пьет. Правда, это ни о чем не говорит. Мог яду в кубок подсыпать. Вона сколько перстней на руках. А Миха, пусть он бесконечно далек от истории, слышал про такие перстни, в которых тайник и яд.

И про отравленные кубки.

И вообще фантазия у местных изрядная, так что, пожелай Миха отравить, точно отравят.

– И не боишься, – сделал вывод Хальгрим.

– Есть чего?

– Я могу тебя убить.

– А я тебя, – пожал плечами Миха. – Надо ли?

– Вот и мне хотелось бы понять. Баба не удержит замок. Мальчишка мал и слаб. За ним не пойдут. Может, конечно, старшие и будут держаться клятвы. Дворня опять же. Но уже пошли слухи, что круги на воде.

Хальгрим допил вино и с грохотом ударил кубком по столу.

– Не понимает, дура! Что они будут делать, когда перед воротами ватага появится? И ладно, если сброд какой? А если настоящие искатели удачи? Есть такие, кто и сотню, и две под стяги собрать способны, когда добыча хорошая ожидается.

– Стены высокие, – дипломатично заметил Миха. И мысленно подавил вздох. Про средневековые войны он тоже знает лишь то, что они были.

И кровавые.

– Стены... высокие... это да. Только там, – Хальгрим мотнул головой. – За стенами люди. Селяне. Под бароном сколько сел было?

– Понятия не имею.

– Вот. А я тебе скажу. Под две дюжины, от совсем мелких до крупных, в иных и торг свой имелся. И людишки у него сытые, а стало быть, взять будет чего.

И снова в Миху вперился, словно ждал. Но не дождался.

– Они сперва по селам пройдут, на прочность пробуя. И поглядят, как там барон новый, справляется али нет. Пограбят. Пожгут. Народишко угонят, небось, крепкие рабы всегда нужны.

Дверь беззвучно приоткрылась, впустив Миару с подносом.

– Доброй ночи, – сказала она очень-очень тихо.

И Хальгрим крикнул.

Нахмурился.

– Магичка. Не спится?

Она молча поставила поднос на стол. Убрала кубок, только тонкие ноздри дрогнули и глаза прищурились. А перед Михой появилась миска с кашей. Кашу приправили мясом, а к ней выдали еще пару ломтей буженины. Нашлось место и желтоватому местному сыру, порезанному крупными ломтями.

– Наглые они, – кивнул Хальгрим. – Вечно держатся так, свысока. Только я за свои годы одно понял. И у магов кровь

красная. У всех она красная.

Миара сделала вид, что не слышит.

Тонкие пальцы коснулись Михиной шеи, и он ощутил, как разливается по мышцам тепло. Силой она поделилась щедро, а потом вышла.

И дверь за собою закрыла.

– А ничего. Я думал, пострашнее будет. Тощая, конечно. И задницы нет. Сисек тоже. Что за баба без сисек? А еще и наглая. Такой крепкий мужик нужен, чтоб в кулаке держал.

Кулак он продемонстрировал почему-то Михе. Миха почти даже впечатлился, ибо был кулак солидным, почти с Михину голову величиной.

– Ничего. Пристроим. Главное, не давать им на голову сесть. Так вот, мне этот замок на хрен не сдался. Мне со своим хозяйством разобраться бы.

Отчаянно захотелось поверить.

А что, мужик толковый. И куда лучше Михи с местными реалиями знаком. И прав. Во всем прав. И в том, что нового барона на прочность проверить захотят. И в том, что начнут с деревень, в которых люди. И пусть люди тоже не беззащитные, но одно дело бродягу отогнать или волчью стаю, и совсем другое – с наемниками сладить.

Людей было жаль.

Априори.

– Я б и не сунулся сюда. Отец велел, – Хальгрим откинулся на спинку стула, и тот заскрипел. – Нехорошо выйдет, ес-

ли Гиту прибьют. Да и мне она, пусть дурная, а сестра. Кровь – не водица. Так что уж потерпите.

– Потерплю, – ответил Миха. – Посмотрю.

– И то верно. Воевать нам ни к чему. Ешь. Тощий больно. Прокляли? Может, маги? Эта вон, кошка блудливая. По глазам вижу, что блудливая. И вообще магам веры нет никакой. Вечно что-то мутят. Сестра сказала, что прошлый её травил. Скотина.

Миха вцепился зубами в кусок буженины, напоминая себе, что молчание – золото.

– Я мог бы тебя вызвать. На поединок. И прибить.

– Или я тебя.

– Вряд ли. Ты еще слаб. А ждать, когда силу наберешь, мне резона нету, – все-таки ему быстро надоели игры, и уже этим Хальгрим вызвал вяловатую, но симпатию. – Я дам тебе денег.

Симпатия умерла.

– И ты проведешь ритуал. Отпустишь мальчишку.

– Нет.

– Триста медведей. Это неплохая сумма для бродяги.

– Нет.

– И право остаться в моей дружине. Мне нужны сильные люди. Сильные и разумные, – Хальгрим поднялся. – Подумай. Только очень хорошо подумай.

Миха вздохнул и, подвинув поближе второй кусок, повторил:

– Нет.

– Ну и дурак, – как-то совершенно спокойно отозвался Хальгрим. – Тогда придется тебя убить.

– Попробуй.

Миха облизал пальцы и подумал, что почему-то не испугался. Это тоже было ненормально. Тот, прошлый Миха, не любил драк и всяческих их избегал.

Дикарь... дикарь потребовал вернуться к мясу. Раз уж их пока не убили. Перспективы – дело мутное. Мясо – конкретное. А Хальгим надолго остался за дверью.

Ждал, что Миха передумает?

Наверное, это было бы разумным. На редкость разумным. Избавиться от клятвы. Перепоручить и мальчишку, и замок этот, и весь средневековый бедлам человеку, который точно с ним справится. Но... Миха, кажется, и вправду был не в ладах с разумом.

– Ничего, – проворчал он, выпустив когти. – Как-нибудь разберемся.

Глава 10

Город ликовал, приветствуя новую Владычицу. И неспешно ступали белоснежные лошади, спины которых были украшены алыми попонами. В гривы заплели алые же ленты, ими украсили и помост. Поставленный на дюжину колес, тот был огромен.

Делали его в спешке, а потому под роскошными тканями, которыми помост убрали, скрывалось самое обыкновенное темное дерево. И Верховный не мог отделаться от мысли, что это – очередная ложь.

Нет, не восторг.

Люди выходили на улицы. Люди кидали под копыта лошадей цветы. Кричали и взывали к богам. Некоторые расписывали лица алыми красками, другие царапали кожу и тоже рисовали, но уже кровью.

Кружились танцовщицы.

Звенели струны.

Гудели рога.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.